This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СТИХОТВОРЕНІЯ

Frug, S. G.

С. Г. ФРУГЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1885

PG3460
F8A6
1885

Призывъ.

Я звалъ тебя въ тѣ дни счастливыхъ дѣтскихъ грезъ,
Чарующихъ надеждъ и свѣтлыхъ упованій,
Когда мои глаза еще не знали слезъ,
Душа еще не вѣдала страданій.

И ты явилась мнѣ въ сіяньи золотомъ,
Въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ, въ одеждѣ серебристой —
Вечерней звѣздочкой на небѣ голубомъ,
Голубкою невинною и чистой;

И говорила мнѣ ты, весело смѣясь:
„— Смотри, какъ чуденъ лѣсъ, какъ тихо дремлютъ нивы,
Какъ съ вѣтеркомъ по ихъ изгибамъ, золотясь,
Бѣгутъ огней вечернихъ переливы...

Смотри — и плескъ ручья, и эхо дальнихъ горъ,
И кроткій лучъ звѣзды, и розъ благоуханье —
Какъ-бы сливаются въ одинъ волшебный хоръ
Лучей и звуковъ, красокъ и дыханья...

Смотри, какъ тихо все и ясно вкругъ тебя,
Въ гармоніи живой, въ согласномъ, стройномъ клирѣ...
Ты посланъ въ этотъ міръ прекрасный, чтобъ, любя,
Учить любви живущихъ въ этомъ мірѣ..."

Ты лиру мнѣ дала... Съ отвагою живой
По трепетнымъ струнамъ персты зашевелились —
И струны грянули, и звонкою струей
Чарующіе звуки покатились...

* * *

Я звалъ тебя, когда въ груди моей впервой
Проснулись бурные порывы и стремленья,
Нахлынулъ мрачныхъ думъ и чувствъ зловѣщихъ рой —
И шевельнулись первыя сомнѣнья...

И ты явилась мнѣ — спокойна, но блѣдна;
Двѣ капли слезъ въ очахъ задумчивыхъ застыли;
Какой-то кроткій блескъ, святая тишина
По всѣмъ твоимъ чертамъ разлиты были...

И, голову свою склонивъ къ моей груди,
Ты говорила мнѣ съ любовью, утѣшая:
„— Чтобъ свѣтелъ былъ твой путь, ты вѣруй и люби,
Другихъ любви и вѣрѣ поучая..."

И жадно я душой ловилъ слова твои...
И новая струна на лирѣ появилась —
И зазвучала пѣснь о вѣрѣ и любви,
И сила въ ней могучая таилась...

* * *

Я звалъ тебя, когда, въ рядахъ святыхъ бойцовъ,
За правду и любовь поднявъ святое знамя,
Я сталъ изнемогать подъ натискомъ враговъ —
Когда кругомъ губительное пламя,

Клокоча и шипя, сжигало все, что мнѣ
О правдѣ, о любви, о счастьи говорило...
И ты явилась мнѣ, святая — вся въ огнѣ...
Невинное чело обвито было

Вѣнкомъ изъ терній... Кровь струилась по щекамъ...
Но искрилась въ очахъ таинственная сила...
И, долгій, скорбный взоръ поднявши къ небесамъ,
Ты съ грустью затаенной говорила:

„— Ты видишь эту кровь?... О, будь-же, какъ и я,
Неустрашимъ, будь чуждъ холодному сомнѣнью
И, вѣруя, любя, страдая и терпя,
Учи другихъ страданью и терпѣнью!..“

И въ хорѣ вѣщихъ струнъ еще одной струны
Раздался звукъ — глухой, протяжный и печальный,
Какъ темной ночью плескъ объятой сномъ волны,
Какъ стонъ послѣдній въ пѣснѣ погребальной...

* * *

Съ тѣхъ поръ минули дни и годы протекли —
И все, что въ глубинѣ души моей смирялось
Волшебной силою надежды и любви,
Терпѣніемъ упорнымъ подавлялось —

Все это поднялось со дна души больной
Угрюмымъ облакомъ, грозою закипая...
И я теперь опять зову тебя съ тоской,
Въ отчаяньи молясь и проклиная!

Явись, явись ко мнѣ!.. Не стало больше силъ...
Неволя и вражда мнѣ сердце истерзали!..
Я вѣренъ былъ тебѣ: я искренно любилъ,
Но на любовь мнѣ смѣхомъ отвѣчали!

Я вѣрилъ — но кругомъ такъ тьма была густа...
Все чистое и все святое погибало...
И изъ груди змѣей холодной на уста
Невольное проклятье выползало!..

Въ тоскѣ тяжелой, я всѣ струны перебралъ
На лирѣ золотой, врученной мнѣ тобою —
И за струной струна рвалась, и замиралъ
Послѣдній звукъ подъ трепетной рукою...

. . . . . .

Явись-же мнѣ теперь! — Со словомъ-ли любви,
Въ терновомъ-ли вѣнцѣ, мечомъ-ли потрясая...
Явись и научи, какимъ путемъ идти...
Явись, явись, великая, святая!..

Надъ Библіей.

Испытывалъ-ли ты тѣ чудныя мгновенья,
Когда въ измученной подъ бременемъ сомнѣнья,
Тоскующей душѣ — чуть внятна, чуть слышна —
Вдругъ будто зазвучитъ волшебная струна
Протяжно, жалобно, какъ робкій и печальный
Въ полночный часъ, въ горахъ, свирѣли звукъ прощальный.
И мигомъ вкругъ тебя слетится рой тѣней
Давно минувшихъ лѣтъ, давно забытыхъ дней,
И, весь дрожа, стоишь предъ ихъ толпой безшумной,
И рвется изъ души крикъ радости безумной —
Веселый, звонкій крикъ малютки на лугу
При видѣ перваго кувшинчика въ снѣгу,
Иль вѣстниковъ-грачей, веселою толпою
Явившихся сейчасъ надъ дальнею горою...
И кажется тебѣ, что все, что часъ назадъ,
Вливало въ грудь твою холодный, жгучій ядъ
И жгло тревожный умъ и тучей роковою
Висѣло надъ твоей унылою душою, —
Все было только сномъ, тяжелымъ, смутнымъ сномъ
Въ больной душѣ твоей, въ умѣ твоемъ больномъ,
И этотъ сонъ исчезъ, какъ призракъ надъ могилой,
При первомъ блескѣ дня, и вновь кипучей силой.

И жизнью молодой полна душа твоя,
Какъ утромъ свѣжее, здоровое дитя,
И вновь — торжественны, крѣпки, звучны и юны —
Звенятъ, поютъ ея трепещущія струны!...

Такая же струна въ душѣ моей больной
Мгновенно зазвучитъ, едва передо мной
Раскроются тѣ чудныя скрижали,
Гдѣ истина и слава записали
Воспоминанья тѣхъ счастливыхъ дней,
Когда онѣ впервой съ высотъ святыхъ слетѣли
Въ пріюты дольные людей
И пѣсню первую запѣли
Подъ грохотъ разбиваемыхъ цѣпей....

* * *

Въ священномъ сумракѣ легенды вѣковой —
Прозрачна и блѣдна, какъ блескъ зари, скользящій
По заводьямъ глухимъ, заросшимъ осокой
И желтыхъ камышей таинственною чащей —
Проходитъ предо мной толпа святыхъ тѣней;
Спокойно свѣтятся ихъ образы нѣмые....
Давно минувшихъ лѣтъ, давно забытыхъ дней
Я слышу отзвуки, завѣтные, родные....
О, свѣтлый міръ чудесъ! Расцвѣтъ могучихъ силъ,
Святая колыбель нетлѣнной, вѣчной славы!
Изъ-подъ надгробныхъ плитъ, изъ тьмы сырыхъ могилъ
Встаетъ передо мной твой образъ величавый,
И пѣсня громкая свободы и любви
Ростетъ, кипитъ во мнѣ волной мятежной, шумной,
И вспыхиваетъ вновь огонь въ моей крови,
И рвется изъ груди крикъ радости безумной....

О, въ чудный этотъ мигъ какимъ-то смутнымъ сномъ
Мнѣ кажутся вѣка невзгоды и ненастья
И тысячи могилъ, разсѣянныхъ кругомъ —
Разрушенныхъ надеждъ, загубленнаго счастья....
Я вижу мой народъ въ странѣ его родной,
Какъ въ старые, давно исчезнувшіе годы,
То мирнымъ пахаремъ съ кошницей и сохой,
То гордымъ витяземъ подъ знаменемъ свободы....
. . . . . .
И звонкій, вѣщій хоръ левитовъ на зарѣ,
И пѣсни пастуховъ за рощей, на горѣ,
И пляска юныхъ дѣвъ, и дальній плескъ фонтана,
И гласъ пророчества, звучащій въ вышинѣ
На шумныхъ торжищахъ воинственнаго стана,
И зычный лязгъ мечей въ пыли, въ дыму, въ огнѣ,
И грохотъ колесницъ, и крикъ вождя призывный....
О, врагъ мой! Посмотри, тиха душа моя...
Уснулъ мой гордый гнѣвъ... Такъ дай-же грезой дивной
Упиться мнѣ!... Хоть мигъ оставь, забудь меня!...
И ты, мой другъ, мой братъ, печальный, безпривѣтный!
Уйди, уйди съ своей обычною тоской:
Невольнымъ ропотомъ, непрошенной слезой
Не нарушай мой сонъ завѣтный!...

Легенда о чашѣ.

„...Скажи мнѣ—то правда-ль, родная:
Мнѣ дѣдушка все говоритъ,
Что на-небѣ чаша большая
Предъ Божьимъ престоломъ стоитъ,
И съ каждой бѣдою, что̀ насъ постигаетъ
Отъ рукъ безпощадныхъ людей,
Въ ту чашу слеза упадаетъ
Со скорбныхъ Господнихъ очей,—
Когда-же слезами до самаго края
Наполнится чаша святая,
На землю Мессія придетъ,
Тотъ самый, чья слава въ молитвахъ поется,
Тотъ самый, котораго ждетъ-не дождется
Такъ долго нашъ бѣдный народъ?“

— „Да, милый, родной мой, то правда святая,“
Печально промолвила мать.
И смолкло дитя, размышляя,
Но скоро спросило опять:
„Когда-же, родная, когда-же слезами
Ужь будетъ та чаша полна?..
Иль сохнутъ тѣ слезы вѣками?

Иль, можетъ быть, чаша безъ дна?..“
И полные кротости, полные ласки,
Невинные, свѣтлые глазки
На мать устремило дитя.
А мать, головою поникнувъ, стояла...
Слеза на рѣсницахъ ея задрожала...
Вотъ, яркимъ алмазомъ блестя,
Спадаетъ слеза на головку родную...
Вотъ съ кудрей на лобикъ течетъ...

О, Боже! Пусть въ чашу святую
И эта слеза упадетъ!

**
*

(Посвящ. Б. Л. Ф.).

Грезы дѣтства золотого,
Пѣсни юности живой,
Образъ друга дорогого
Воскресилъ въ душѣ больной...

Но, склонившись надо мною,
Грустный, бѣдный онъ стоитъ
И съ любовью и тоскою,
Тихо плача, говоритъ:

„— Нѣтъ, не пой... не пой, какъ прежде,
Въ дни весны, въ родныхъ поляхъ,
О немеркнущей надеждѣ,
О невянущихъ цвѣтахъ,

О волшебномъ царствѣ счастья,
О странѣ святыхъ чудесъ,
Гдѣ и краткій мигъ ненастья
Не мрачитъ лучей небесъ,

Гдѣ отъ края и до края,
Свѣтлыхъ радостей полна,
Звонко льется жизнь людская,
Какъ весенняя волна,

Гдѣ ростетъ и крѣпнетъ дума—
И свободна и смѣла,
Какъ могучій бѣгъ самума,
Взмахъ орлинаго крыла,

Гдѣ для сердца нѣтъ запрета,
Гдѣ для мысли нѣтъ цѣпей...
Царство правды, царство свѣта,
Грезы свѣтлыхъ юныхъ дней—

Нѣтъ, не пой о нихъ... Довольно!
Въ сердцѣ, полномъ жгучихъ мукъ,
Такъ мучительно, такъ больно
Отдается каждый звукъ!

Много лѣтъ назадъ, бывало,
Звуки дивные ловя,
Наше горе засыпало,
Какъ усталое дитя;

И подъ яркими лучами,
Безпредѣльна и ясна,
Разстилалась передъ нами
Эта чудная страна.

Все такъ близко, ясно было
Въ этомъ царствѣ золотомъ,
Столько счастья намъ сулило,
Столько радостей кругомъ.

Мы мечтали: пиръ побѣдный,
Праздникъ правды... и на немъ
Нашъ народъ больной и бѣдный,
Тоже съ чашей за столомъ.

Онъ не рабъ, не гость случайный:
Онъ боролся, онъ страдалъ...
О, какъ мирно въ грезѣ тайной
Дѣтскій умъ нашъ засыпалъ!

Сладки были тѣ видѣнья...
Годы шли—, и вотъ, для насъ
Рокового пробужденья
Пробилъ страшный, грозный часъ!..

. . . . . .

О, не пой, не пой, какъ прежде,
Въ дни весны, въ родныхъ поляхъ,
О немеркнущей надеждѣ,
О невянущихъ цвѣтахъ!...

Слышишь?... Слышишь гласъ призывный,
Кличъ громовый надъ собой?!...
Видишь образъ, грозный, дивный—
Образъ правды роковой?!...

Онъ—не плодъ мечтаній смутныхъ,
Не питомецъ дѣтскихъ грезъ,—
Въ міръ безправныхъ, безпріютныхъ,
Въ міръ неволи, мукъ и слезъ,—

Полный гнѣва и презрѣнья,
Страшный, чудный, весь въ лучахъ,
Онъ пришелъ, какъ ангелъ мщенья,
Съ гордымъ знаменемъ въ рукахъ;

Онъ не проситъ слезъ безплодныхъ,
Пѣсенъ въ даръ онъ не беретъ—
Силы гордыхъ и свободныхъ
На работу онъ зоветъ...

. . . . . .

Встань-же, встань бойцомъ могучимъ,
Божьей истины пѣвецъ!
Встань и брось стихомъ кипучимъ
Въ сонъ умовъ и мракъ сердецъ!

Смѣло, твердыми стопами
Къ двери рабства подойди,
Загреми его цѣпями,
Стыдъ уснувшій разбуди!

Пусть не плачетъ наше горе,
Пусть кипитъ оно грозой,—
Съ гордой силою во взорѣ,
Съ ополченною рукой!

Пусть сольются наши муки
И одной волной текутъ;
Пусть сомкнутся наши руки
На одинъ великій трудъ!

Съ плачемъ выйдетъ пахарь въ поле
На тяжелые труды,—
Звонко будетъ пѣть на волѣ
Собирающій плоды...“

Прометею.

Я внимаю мучительнымъ стонамъ твоимъ
И, съ глубокой тоскою въ груди,
Я гляжу на громады скалы роковой,
На тяжелыя цѣпи твои...
О, Зевесъ былъ жестокій, безжалостный богъ,
Безпощадный во власти своей!...
Но—умолкни на мигъ, жертва мести слѣпой,
Посмотри на меня, Прометей!
Не укралъ я у Бога святого огня,
Не укралъ: Онъ мнѣ самъ его далъ,
И нести его къ людямъ, въ міръ рабства и тьмы,
И беречь, и хранить завѣщалъ!
Не укралъ я у Бога святого огня
И не даромъ его получилъ:
И слезами своими, и кровью своей
Я за этотъ огонь заплатилъ.
И донынѣ еще я плачу̀ за него
И слезами, и кровью своей,
И не коршунъ одинъ мое серце клюетъ—
Сотни коршуновъ, тысячи змѣй
Въ беззащитную грудь мою жадно впились,
Рвутъ кровавыя раны мои...
Что-же значатъ, въ сравненіи съ мукой моей,
Всѣ страданья, всѣ муки твои?!....

Весною.

Пѣсни весенней ты просишь, склоняя
Въ тихой печали головку свою...
Надо-бы, милая, радъ-бы, родная,
Только о чемъ-же тебѣ я спою?..
Другъ мой, я выросъ въ чужбинѣ холодной
Сыномъ неволи и скорби народной;
Два достоянья дала мнѣ судьба:
Жажду свободы и долю раба...
Много у струнъ моихъ стройныхъ созвучій,
Пѣсня одна лишь у лиры моей;
Каждое слово напитано въ ней
Гнѣвомъ, тоскою и мукою жгучей...
Что-же мнѣ спѣть тебѣ, бѣдный мой другъ?—
Пѣть-ли о радостяхъ жизни текущей?
Пѣть о побѣдахъ и славѣ грядущей?
О, посмотри-же вокругъ:
Буря за бурей, гроза за грозою...
Сколько погибшихъ цвѣтовъ!
Сколько надеждъ—подъ могильнойплитою,
Силы и жизни—во мракѣ гробовъ!..
Чахлый кустарникъ... равнины горючія...
Своды нѣмыхъ, безотвѣтныхъ небесъ...

Гдѣ-жь наши кедры и дубы могучіе—
Боръ густолиственный, полный чудесъ?..
Кто на неволю слѣпую и дикую
Встанетъ могучимъ, отважнымъ бойцомъ?
Встанетъ и двинетъ работу великую
Кроткимъ-ли словомъ, иль грознымъ мечемъ?!..
Пусть и горятъ еще звѣзды лучистыя
За облаками, въ дали голубой,
Пусть и текутъ еще струйки сребристыя
Въ сонномъ ручьѣ, подъ корой ледяной,—
Здѣсь-же украдкой лишь искорка блѣдно
Вспыхнетъ на мигъ и погаснетъ безслѣдно;
Только и слышно, какъ струйка одна,
Словно проснувшись отъ долгаго сна,
Тихо плеснетъ и, объятая мглою,
Снова задремлетъ подъ мертвой корою...

Что-жъ остается у лиры унылой,—
Что еще теплится въ сердцѣ больномъ?
Память о счастьи быломъ?
Грезы о радостяхъ, взятыхъ могилой,—
Грезы о чудной, святой старинѣ,
Звѣздочкой кроткой на мигъ выплывающей
Въ памяти блѣдной и вновь потухающей
Въ смутной, туманной ея глубинѣ?—
Нѣтъ, не буди непробудныя грезы:
Дальніе проводы—лишнія слезы,
Память о счастьи быломъ—
Розы въ вѣнкѣ гробовомъ...

***

А весна съ каждымъ днемъ
Все обильнѣй кругомъ
Разливаетъ свой блескъ золотой,
И на сотни ладовъ
Изъ долинъ и лѣсовъ
Бьетъ и брыжжетъ потокъ заливныхъ голосовъ
Перекатной и гулкой волной.

И зоветъ этотъ хоръ
На зеленый просторъ,
На раздолье полей и луговъ,
Гдѣ, тепла и ясна,
Юной жизни полна,
Надъ землею летитъ золотая весна,
Вся въ лучахъ и гирляндахъ цвѣтовъ.

О, на день хоть, на часъ,
Мнѣ уйти-бы отъ васъ,
Неусыпныя муки мои,
Къ этимъ вольнымъ полямъ,
Къ этимъ яснымъ лучамъ,
И хоть разъ прикоснуться-бы къ сладкимъ струямъ
Чаши радости, мира, любви!..

Пѣсня жизни.

Много чарующихъ пѣсенъ
Въ сумракѣ зимнихъ ночей
Пѣла мнѣ няня, склоняясь
Надъ колыбелью моей.

Много и сказокъ чудесныхъ
Знала старушка моя.
Блѣдной, туманной толпою,
Дѣтскую душу плѣня,

Тихо вставали картины,
Образы шли чередой.
Помню: угрюмые замки...
Горы, объятыя мглой...

Рыцари въ грозныхъ доспѣхахъ...
Теремъ колдуньи сѣдой...
Черныя свѣчи... могила...
Стоны мятели ночной...

Всѣ эти пѣсни и сказки,
Въ складѣ исконномъ своемъ,
Были съ началомъ обычнымъ,
Были съ обычнымъ концомъ:

Зло на добро ополчалось;
Долго борьба ихъ текла;
Долго страдала, томилась
Правда подъ бременемъ зла;

А подъ конецъ, торжествуя
Надъ побѣжденнымъ врагомъ,
Гордо вставала святая
Въ славѣ и блескѣ своемъ...

Славно тѣ пѣсни кончались,
Только, увы! никогда
Мнѣ до конца ихъ дослушать
Не удавалось тогда:

Слухъ мой за сказкою длинной
Скоро слѣдить уставалъ,
На-сердце сумракъ ложился,
Сонъ мнѣ рѣсницы смежалъ...

* * *

Няня въ могилѣ уснула;
Годы прошли чередой;
Новую, страшную сказку
Я услыхалъ надъ собой.

Новую, страшную пѣсню
Жизнь надо мною поетъ.
Каждое слово отраву
Въ душу унылую льетъ.

Каждое слово въ той пѣснѣ —
Стонъ изъ кровавыхъ могилъ
Сотенъ замученныхъ жизней,
Сотенъ загубленныхъ силъ.

Слово той пѣсни разящей,
Звукъ тѣхъ бичующихъ словъ
Громко звучатъ надъ вселенной
Вотъ ужь семнадцать вѣковъ;

Громко звучатъ надъ вселенной,
Рвутся въ людскія сердца...
Я не слыхалъ ихъ начала
И не услышу конца.

Вѣрю, что славенъ и свѣтелъ,
Полонъ побѣды святой
Будетъ конецъ этой пѣсни,
Пѣсни борьбы вѣковой.

Вѣрю я — тризну справляя
Надъ побѣжденнымъ врагомъ,
Правда святая воспрянетъ
Въ славѣ и блескѣ своемъ.

Только, увы! не услышу
Какъ эта пѣснь дозвучитъ:
На-сердце сумракъ мнѣ ляжетъ,
Сонъ мои очи смежитъ,

Сонъ роковой, непробудный,
Въ мракѣ одной изъ могилъ
Сотенъ замученныхъ жизней,
Сотенъ загубленныхъ силъ...

Поэту.*)

Могучая лира досталась тебѣ,
И льются могучіе звуки...
Въ нихъ слышенъ укоръ и проклятье судьбѣ
За все, что̀ погублено въ долгой борьбѣ,
За всѣ пережитыя муки.

Ты тронешь украдкой одну лишь струну,
И разомъ всѣ боли проснутся,
И всѣ наши стоны, всѣ вопли въ одну
Могучую пѣсню сольются...

О, сколько въ ней мощи и силы живой,
И сколько чарующей власти!..
Поешь ты — и образы жизни былой
Въ тревожную душу тѣснятся толпой
И грудь разрываютъ на части!..

Ты чудною лирой своей воскресилъ
Для насъ наши пѣсни родныя,—
Изъ мрачныхъ развалинъ, изъ темныхъ могилъ
Вновь слышимъ мы звуки живые...

---

*) Стихотвореніе это читано на юбилейномъ обѣдѣ, даннномъ любителями библейскаго языка въ С.-Петербургѣ поэту, Л. О. Гордону, 29 октября 1881 г.

Жива наша пѣсня!.. И радость, и свѣтъ
Льетъ въ грудь нашу каждое слово!..
И дороги намъ твои пѣсни, поэтъ:
Въ нихъ все, что вѣками страданій и бѣдъ,
Оставлено намъ отъ былого...
Такъ пой-же намъ чудныя пѣсни свои,
Дай слышать родные намъ звуки!..
Проснутся надежды въ разбитой груди,
Окрѣпнутъ безсильныя руки,
И — время придетъ — загорится заря
Надъ нашею долею бѣдной, —
И станетъ унылая пѣсня твоя
Торжественной пѣсней побѣдной!..

Двѣ картины. [a)]

I.

Время сбора винограда,
Хоръ тимпановъ, арфъ и лютенъ:
Это праздникъ бога Вакха,
Пиръ вина и сладострастья.

Вѣютъ пестрыя туники;
Взоръ горитъ, уста пылаютъ;
Будитъ эхо горъ и доловъ
Громъ кипучихъ вакханалій.

Вѣютъ пестрыя туники;
Блещутъ звонкія запястья;
Опьяняя умъ и сердце,
Брызжетъ сокъ янтарныхъ гроздій.

Опьяняя умъ и сердце,
Въ перемежку съ пляской дикой,
На загаръ щеки румяной
Льется пламень поцѣлуя.

Слышенъ шопотъ страсти жгучей...
Слышны стоны сладкой муки...
Ночь идетъ... Горячъ и буенъ
Пиръ похмѣлья и разврата...

* * *

А во храмѣ Іеговы —
Бога мести, Бога гнѣва,
Въ это время раздается
Хоръ согласныхъ, стройныхъ гимновъ.

Пламень жертвенный сверкаетъ,
Къ алтарямъ жрецы толпою
Семьдесятъ воловъ подводятъ,
Пышно убранныхъ цвѣтами.

И съ молитвой жрецъ великій,
Въ ризѣ бѣлой облаченный,
Ихъ чредой приноситъ въ жертву
Богу мести, Богу кары:

„— Отврати, Господь могучій,
Гнѣвъ карающей десницы
Отъ народовъ, не познавшихъ
Свѣта истины и вѣры!

„Утиши дыханьемъ мира
Пылъ сердецъ ожесточенныхъ,
Разгони лучами правды
Сонъ и мракъ умовъ заблудшихъ!..“

И тепла, какъ солнце юга,
И свѣтла, какъ утро мая,—
Раздается та молитва
Надъ толпою преклоненной...

II.

Блѣдный лучъ лампады тусклой
Тихо, робко озаряетъ
Мракъ сырого подземелья
Безнадежно, безотвѣтно.

Меркнутъ слабыя свѣтильни
Семивѣтвенной лампады,
Опрокинутой небрежно
На амвонѣ опустѣломъ.

Предъ амвономъ столъ трапезный
Съ „Хлѣбомъ Бѣдности“. Страницы,
Старой, скомканной Гагады
Тутъ и тамъ во тьмѣ бѣлѣютъ.

На полу, среди обломковъ,
Головой упавъ разбитой
На изорванный пергаментъ
Окровавленнаго свитка,

Озаряемый порою
Свѣтомъ гаснущей лампады,
Коченѣетъ одинокій
Трупъ убитаго марана...

* * *

А на площади Мадрида,
Предъ сіяющимъ огнями,
Величавымъ храмомъ Бога
Вселюбви и всепрощенья,

Возвышаются угрюмо
Два столба съ двумя кострами—
Два великихъ, грандіозныхъ
Алтаря для всесожженья.

Къ нимъ жрецы въ одеждахъ черныхъ,
Гимнъ священный распѣвая,
Волокутъ рукой привычной
Двухъ безмолвныхъ, блѣдныхъ старцевъ.

(Ихъ застали въ подземельи
За пасхальною трапезой!—
Всепрощающая церковь
Ихъ простить, увы! не можетъ...).

Данъ сигналъ и пламень ярый
Разлился волною жадной.
Дымъ клубится, застилая
Лица грѣшниковъ проклятыхъ.

Пахнетъ гарью... пахнетъ кровью...
И торжественно, и стройно
Раздается „De profundis“
Надъ толпою преклоненной...

Двѣ картины.[b)]

I.

«Manch Bild vergessener Zeiten
Steigt auf aus seinem Grab...»

... Звонъ сѣкиръ подъ звуки псалмовъ...
Дымъ кадилъ въ дыму костровъ...
Средь пылающихъ полѣньевъ
Лица женъ и стариковъ...

Бѣлоснѣжныя одежды...
Блескъ тіары... крестъ въ рукахъ...
Кроткій взоръ, подъятый къ небу,
И молитва на устахъ...

Въ разноцвѣтныхъ перьяхъ гранды
И въ коронахъ короли...
А толпа, благоговѣйно
Преклоненная, вдали...

Груды пепла... волны дыма...
Лица блѣдныя — въ крови...
Подъ картиной — надпись: „Праздникъ
Всепрощающей Любви“...

II.

«Andre Zeiten — andre Vögel;
Andre Vögel — andre Lieder...»

Новый, мощный столпъ Нимврода —
Плодъ работы вѣковой, —
Въ глубинѣ земли основой,
Въ небѣ царственной главой...

Братства, равенства и счастья
Восходящая звѣзда...
Свѣточъ мысли, знамя правды...
Пиръ свободы и труда...

... Гулъ толпы, и свистъ, и хохотъ...
Дымъ пожара... крикъ дѣтей...
Стоны дѣвушекъ безсильныхъ...
Вопли женъ и матерей...

Холодъ, мракъ ночей осеннихъ...
Буря, дождь и градъ — въ лице...
Голодъ, страхъ...
Картина эта
Не окончена еще...

Мой Богъ.

Исходъ, XX, 5, 6.

Въ Немъ сила съ правдою въ союзѣ неразрывномъ...
Въ десницѣ—мечъ, у погъ лежитъ гирлянда розъ...
Въ одномъ созвучіи, въ одномъ аккордѣ дивномъ
И трели соловья, и ревъ осеннихъ грозъ...

* * *

Таковъ мой Богъ! Таковъ тотъ чудный, мощный геній,
Чтб, въ часъ отчаянья явившись предо мной,
Средь тьмы невѣрія, средь сумрака сомнѣній,
Зажегся яркою звѣздой.

* * *

Онъ далъ мнѣ острый мечъ и далъ вѣнокъ душистый,
Сказавъ: „смѣлѣй иди дорогою тернистой,
Смирись предъ истиной и правду защищай;

* * *

Пусть будетъ отъ враговъ мой мечъ тебѣ защитой,
Цвѣты-жъ на трудный путь, ручьями слезъ облитый,
Къ ногамъ друзей бросай!...“

Таковъ мой Богъ...

Памяти друга.

Вечерняя заря спокойно догорала;
Унылымъ шопотомъ былъ полонъ сонный лѣсъ,
И блѣдная луна печально выплывала
На тихій, темный сводъ небесъ.
Я вспомнилъ кроткій ликъ страдающаго друга.
Подъ гнетомъ долгаго, упорнаго недуга
Онъ быстро угасалъ, но ни одной слезой,
Невольнымъ ропотомъ иль жалобой случайной
Не выдавалъ онъ той тоски и муки тайной,
Что̀ закипали въ немъ губительной грозой;
И лишь въ предсмертный часъ, покорно допивая
Послѣднихъ мукъ послѣднюю струю,
Онъ подозвалъ меня и, горестно рыдая,
Повѣдалъ исповѣдь свою:

* * *

„...На шумномъ-ли пиру, межъ добрыми друзьями,
Въ затишьи-ли полей, надъ синими-ль волнами
Спокойно дремлющей рѣки,
Въ безсонные-ль часы полуночи угрюмой,
Когда, бродя одинъ съ своей завѣтной думой,
Слагалъ я пѣснь неволи и тоски,

И въ тѣ отрадныя и свѣтлыя мгновенья
Безмолвной радости и сладкаго забвенья,
Подъ лаской женщины любимой и родной,—
Вездѣ все тотъ-же духъ, печальный, блѣдный, строгій,
Стоялъ упорно предо мной,
И я внималъ ему съ мучительной тревогой
Въ душѣ усталой и больной:

— Порывы юности, горячей, прихотливой,
Къ таинственнымъ вратамъ обители святой—
Созданія мечты и грезы горделивой,
А рядомъ—образъ правды роковой.
Идетъ онъ за тобой съ какой-то злобой жадной
Чрезъ тихій, свѣтлый рай души, —
И вянутъ подъ его стопою безпощадной
Цвѣты завѣтные твои;
И вянетъ молодость съ убитыми мечтами,
Развѣнчанная жизнь — безъ цѣли, безъ конца;
Скупой, тяжелый трудъ съ безсонными ночами,
Съ надеждой пахаря, безъ радости жнеца.
На жизненномъ пиру — обглоданныя кости,
У двери славы — жалкіе гроши,
Да старость дряхлая съ осадкомъ жгучей злости
На днѣ измученной души...
И конченъ долгій путь... Безъ слезъ, безъ состраданья,
Наложитъ смерть свою холодную печать...
Что-жъ другу доброму промолвить на прощанье?
Что сыну завѣщать? . . . . . .
. . . . . .
И если тамъ, за роковою гранью
Земныхъ тревогъ и радости земной,

Предстанетъ предъ тобой съ карающею дланью
Судья всесильный, строгій и нѣмой,—
Какимъ отчаяньемъ, какою мукой жгучей
Должна исполниться душа твоя въ тотъ мигъ!
И не воспрянешь-ли — свободный и могучій,
Не бросишь-ли ему отважный, смѣлый крикъ:
Зачѣмъ послалъ меня ты въ этотъ міръ презрѣнный?
Кто право далъ тебѣ судить?!
Не ты-ли предо мной держалъ свой стягъ священный?
Не ты-ль меня училъ любить?
Въ часы глубокаго и свѣтлаго раздумья
Не ты-ли бѣдный мозгъ до боли, до безумья
Томилъ огнемъ чарующей мечты,
Являя мнѣ тотъ міръ, свѣтлѣй, прекраснѣй рая,
Что пышно расцвѣталъ отъ края и до края,
У ногъ любви, добра и красоты?...
Когда-жъ мечты туманъ летучій испарялся
И міръ, какъ есть, являлся предо мной,
Какою горечью и мукой наполнялся
Мой умъ осиротѣлый и больной!
Я тщетно потрясалъ тяжелыми цѣпями,
Напрасно проклиналъ, напрасно я грозилъ —
Слѣпой орелъ съ разбитыми крылами,
Ладья безъ веселъ и вѣтрилъ...
Въ безсильи устремлялъ я къ небу взоръ молящій —
Я звалъ тебя, я ждалъ: сверкающій, грозящій,
Изъ пасти огненной отверзтыхъ черныхъ тучъ,
Подобной глубинѣ чудовищнаго зѣва,
Ударишь ты бичемъ пылающаго гнѣва,
Ты будешь грозенъ и могучъ!
Но ты молчалъ! Молчалъ, богъ гнѣва и возмездья!

За дальній сводъ небесъ, за мирныя созвѣздья,
Въ безбрежномъ хаосѣ безчисленныхъ міровъ,
Закрытый отъ меня услужливою тучей,
Ты робко прятался, скупясь на гнѣвъ кипучій,
Жалѣя молній и громовъ!...
Зачѣмъ-же ты не мстилъ?... Зачѣмъ... Или, быть можетъ,
Безсмертный, всеблагой, всесильный! — ты не могъ?...
Тотъ червь отчаянья, что̀ мозгъ мой жадно гложетъ,
Заползъ и въ твой лазоревый чертогъ?...
Перуны, что̀ металъ ты мощнымъ, гнѣвнымъ взоромъ,
Угасли, замерли въ безсиліи нѣмомъ?
Ослабли, порвались тѣ струны, по которымъ
Ты гордо ударялъ властительнымъ перстомъ?...
Зачѣмъ-же ты меня послалъ въ тотъ міръ презрѣнный?
Зачѣмъ, зачѣмъ училъ меня любить?!...

. . . . . .

Я вспомнилъ блѣдный ликъ, послѣдній стонъ недуга,
Холодный взоръ, уста съ угрозою нѣмой...
Въ душѣ моей звучалъ прощальный голосъ друга,
Туманный умъ кипѣлъ безумною мечтой...
А надо мной заря спокойно догорала,
Безсвязнымъ шопотомъ былъ полонъ сонный лѣсъ,
И блѣдная луна безмолвно выплывала
На тихій, темный сводъ небесъ.

Дума.

«Для насъ отчизна только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ».
Лермонтовъ.

Вы вновь звучите мнѣ, забытые мотивы,—
И дышутъ сладостной прохладой на меня
Зеленые луга и палевыя нивы,
И, въ сѣни мирныя привѣтливо маня,
Кудрявой головой дремучій лѣсъ качаетъ
И грезой тихою мнѣ душу обвѣваетъ...

Молчитъ моя печаль, утихло въ сердцѣ горе,
Всѣ боли улеглись, душа чиста, свѣтла...
А пѣснь ростетъ, ростетъ, какъ въ часъ прилива—море,
Исполнена надеждъ и свѣта, и тепла...
И слышатся мнѣ въ ней—полны любви и ласки,
О счастіи былomъ чарующія сказки...

Вотъ бѣдный уголокъ, гдѣ пѣсней соловьиной
Катились дни моей исчезнувшей весны...
Все снова предо мной стоитъ живой картиной,
И—мнится мнѣ—среди глубокой тишины
Сѣдая вѣчность мнѣ киваетъ головою,
И тѣни прошлаго бесѣдуютъ со мною...

И говорятъ онѣ про юность золотую,
Про вѣру теплую и грезы, и мечты,—
Что волновали умъ и душу молодую
Предъ свѣтлымъ образомъ добра и красоты...
Я жадно внемлю имъ душой своей тревожной,
И радость для меня вновь кажется возможной...

И вѣчно-бы хотѣлъ я слышать эти сказки,
Забывъ, что больше нѣтъ уже тѣхъ чудныхъ дней,
Когда вокругъ меня все было полно ласки,
И смѣло называлъ я родиной своей
Тѣ горы и поля, гдѣ—полный юной силы—
Цвѣтами убиралъ отцовскія могилы,

Въ надеждѣ сладостной, въ ликующихъ порывахъ
Не внемля голосу души моей больной:
„—Не возвратить во вѣкъ тебѣ дней счастливыхъ;
Какъ не поднять кустамъ, нависшимъ надъ рѣкой,
Росинокъ, что съ вѣтвей украдкою скатились
И съ мутною волной на вѣкъ соединились...“

Дума.

(Посвящ. моей сестрѣ).

«О, что сравню съ тобой и чѣмъ
Тебя утѣшу, дочь Сіона,
Когда, какъ море, велико
Твое несчастье»!
(Іереміада, II).

Ты печально поникла головкой своей,
Какъ осенняя туча, угрюма...
И я вижу, какъ тихо, таинственно въ ней
Созрѣваетъ завѣтная дума...

Жаркимъ жемчугомъ брызжетъ слеза за слезой,
Льются чистыя быстро, привольно...
Сердце бьется тревожно въ груди молодой...
И, головку склонивши невольно,

Подъ горящею яркимъ румянцемъ щекой
Ты дрожащія руки слагаешь,
И въ туманную даль, съ безграничной тоской,
Умоляющій взоръ устремляешь...

Ты не хочешь повѣдать мнѣ мыслей своихъ,—
О, дитя! Я давно ужь ихъ знаю:
Я въ уныло-задумчивыхъ глазкахъ твоихъ,
Словно въ книгѣ открытой, читаю...

О, дочь скорби и страха, больное дитя
Безпривѣтной, холодной чужбины,
Мнѣ-ль не знать, что лежитъ на душѣ у тебя,
Не понять твоей тяжкой кручины?!...

...Этотъ край, гдѣ зажглась нашей жизни заря,
Гдѣ текли наши лучшіе годы,
Гдѣ впервой озарилась головка твоя
Свѣтлой грезой любви и свободы,—

Эти нивы, гдѣ часто бродилъ я одинъ,
Упоенный отрадной мечтою,
И грядущаго счастья рядъ свѣтлыхъ картинъ
Рисовался вдали предо мною;—

Все покрылось густой, непроглядною тьмой...
Не манятъ насъ колосьями нивы,
И не блещутъ цвѣты серебристой росой,
И не шепчутъ прибрежныя ивы...

Ужь не выйдешь ты въ поле зеленой весной
Пѣсни звонкія пѣть на просторѣ—
О страданьяхъ чужихъ, о неволѣ чужой,
О чужомъ, неизвѣданномъ горѣ.

Есть о чемъ тебѣ слезы горючія лить
И всю ночь, и съ зари до заката:
Скорбь своя стала душу терзать и томить,
Горемъ собственнымъ сердце богато...

Дай-же волю слезамъ, и въ потокахъ живыхъ
Пусть польются на встрѣчу страданью—
И на землю, гдѣ много ужь пролито ихъ,
Упадаютъ послѣднею данью!...

Утренняя звѣзда.

Послѣдняя звѣздочка, вѣстница дня,
Зачѣмъ такъ печально глядишь на меня?
То искоркой вспыхнешь,—алмазомъ горишь—
То блѣдной и кроткой слезинкой дрожишь...
Послѣдней-ли искрой былыхъ упованій?..
Слезою-ли первой грядущихъ страданій?..

Дитя безконечныхъ безсонныхъ ночей,
Подруга безмолвная грусти моей,
Послѣдняя звѣздочка въ небѣ ночномъ—
Послѣдняя греза о счастьи быломъ—
Слеза-ли ты, искра-ли... Скоро съ востока
Польются лучи и привольно, широко

Забрызжутъ кругомъ золотые огни.
Милльонами слезъ разольются они,
Милльонами искръ — по полямъ и лугамъ,
По голымъ утесамъ, цвѣтущимъ холмамъ,
По темнымъ дубравамъ, по рощамъ зеленымъ,
По хижинамъ бѣднымъ, дворцамъ золоченымъ;

И блѣдной росинкой, съ прибрежныхъ кустовъ
Упавшей въ кипучую пѣну валовъ,
Съ улыбкой послѣдней взглянувъ на меня,
Исчезнешь ты въ блескѣ грядущаго дня,—
Проснутся въ душѣ моей новыя грезы,
И новыя искры, и новыя слезы...

***

Угасла звѣзда... Изъ глубокихъ долинъ
Туманъ заклубился, до горныхъ вершинъ
Поднялся — и дымчато-сѣрой волной
Застлалъ безграничную даль предо мной,
И разумъ туманитъ, и сердце сжимаетъ,—
И душу тяжелой тоской наполняетъ...

Какъ эти минуты безплодной тоски,
Проходятъ всѣ лучшіе годы мои....
И блѣдно кругомъ, и безжизненно все...
Зачѣмъ-же такъ медлишь ты, солнце мое?!.
Темно здѣсь и душно мнѣ!.. Чувства и силы
Тутъ гаснутъ, какъ въ мракѣ холодной могилы.

О, дай мнѣ ожить! Дай воскреснуть душой,
Чтобъ сила вскипѣла въ груди молодой!
Чтобъ духъ мой воспрянулъ могучимъ орломъ!
Чтобъ громомъ ударилъ въ безмолвьи ночномъ!..

. . . . . .

На могилѣ.

Въ безмолвную полночь, въ горахъ, нежданная пѣснь за-
звучала.
Мгновенно поля и луга, ущелья, дубравы и воды
Наполнилъ таинственный гулъ и звуковъ ритмическій тре-
петъ.
И пѣсня утихла.— Что мигъ, все медленнѣй тише, ровнѣе
Звенѣли, дрожали вокругъ волны звуковой переливы;
Все медленнѣй, тише, ровнѣй... И вотъ, все кругомъ ужь
безмолвно —
Ущелья, дубравы, поля... Какъ будто ни звукомъ единымъ
Угрюмая тишь ни на мигъ нарушена не была... Тихо
Умолкла нежданная пѣснь... И эхо ночное уснуло....
Но развѣ она умерла? Та пѣсня, тѣ звуки живые,
Что сладостно въ душу лились могучей и звонкой волной,
Ужели ихъ нѣтъ ужь нигдѣ?...
Взгляни на касатку, что
чинно
На вѣткѣ зеленой сидитъ, свой маленькій клювъ заостряя;
Взгляни на семью васильковъ, плѣнительно яркимъ узоромъ
Пестрѣющихъ въ сочной травѣ, головками тихо качая,—
Увѣренъ ли ты, что и имъ не слышно ужь больше ни звука?...

А тѣ миріады существъ, невидимыхъ нашему взору?...
А тѣ милліоны міровъ, что тонутъ за темною далью,
Куда ты ни взоромъ своимъ, ни грезой проникнуть не можешь?...
Увѣренъ-ли ты, что и тамъ не слышно ужь больше ни звука?...
Забытая пѣсня...
Дитя! — Не плачь-же надъ этой могилой..

* * *

Горячихъ слезъ бушующее море
Кипитъ и стонетъ предо мной,
И бой ведетъ въ немъ на просторѣ
Мое отчаянное горе
Съ моей больной, измученной душой...

Стихаетъ бой и снова закипаетъ...
Бойцы ко дну идутъ — и тамъ
Душа въ безсильи замираетъ,
А горе... горе выплываетъ
И съ хохотомъ несется по волнамъ...

Ребенку.

(Посвящ. М. К.)

Толпа тяжелыхъ думъ и смутныхъ грезъ моихъ
Текла обычною воздушною дорогой
Къ святому роднику завѣтныхъ и родныхъ
Порывовъ и надеждъ, съ любовью и тревогой
Питаемыхъ умомъ, лелѣемыхъ душой
Подъ гнетомъ долгихъ мукъ и скорби вѣковой.
И муза, спутница и вѣрная подруга
Завѣтныхъ думъ моихъ, съ печалью и тоской
Глядѣла тихо въ даль... Знакомаго недуга
Ужь сталъ рости приливъ и жгучею волной
Вливаться въ грудь мою... И вдругъ передо мною,
Въ таинственной дали, объятой полумглою,
Блеснула искорка... крупинкой золотой
Задвигалась она, дрожа и колыхаясь...
И личико твое, весь образъ милый твой,
Прелестное дитя, привѣтно улыбаясь,
Веселый и живой, какъ раннею весной
Касатка вольная,—явился предо мной...

Я не скажу тебѣ... ты не поймешь, родная,
Что̀ образъ твой свершилъ въ больной груди моей —
Что̀ пробудилъ въ душѣ, вновь къ жизни призывая,

И что онъ усыпилъ и успокоилъ въ ней...
Когда-нибудь... придетъ пора,—ты взоръ пытливый
На строки скорбныя случайно наведешь,
Тогда... тогда душой глубокой и правдивой
Ты все проникнешь въ нихъ, ты все, дитя, поймешь:
Поймешь, какими я сомнѣньями томился,
Надежды свѣтлыя лелѣялъ и холилъ,
Поймешь, о комъ тогда такъ жарко я молился,
Чего у неба я просилъ
И чѣмъ въ тотъ мигъ рыдая наслаждался
И радуясь слезами обливался...

Надъ Днѣпромъ.

«Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты»...
Пушкинъ.

Вновь, чудной красоты и нѣги тихой полны,
Родныя небеса привѣтствуютъ меня,
И вновь у ногъ моихъ, сверкая и звеня,
Широкій Днѣпръ катитъ свои живыя волны.
И въ ночь, когда кругомъ все сномъ глубокимъ спитъ,
И въ свѣтлый, шумный часъ, веселымъ, свѣжимъ утромъ,
Сверкая пурпуромъ и нѣжнымъ перламутромъ,
Въ таинственную глубь привѣтливо манитъ.
И я стою предъ нимъ съ поникшей головою,—
Встаетъ за роемъ рой тяжелыхъ, мрачныхъ думъ,
И, вихремъ бѣшенымъ кружа тревожный умъ,
Витаютъ надо мной угрюмою толпою...

...Прости, широкій Днѣпръ, свидѣтель юныхъ грезъ,
Исчезнувшихъ надеждъ, разбитыхъ упованій!..
Послѣдній даръ несетъ тебѣ дитя страданій:
Горячую струю кровавыхъ, жгучихъ слезъ...
Пріими мой даръ—мои послѣднія рыданья.
Я ихъ принесъ сюда съ гранитныхъ береговъ

Невы холодной... Тамъ, на родинѣ снѣговъ,
Подъ дикій вой грозы и вѣтра завыванье,
Такъ долго я стоналъ, такъ много пролилъ слезъ...
Но слезы жаркія беззвучно упадали
На камни твердыя, и грозный невскій валъ,
Клокоча и шипя, съ гранита ихъ смывалъ
И бури сѣвера мой голосъ заглушали.
Но здѣсь у волнъ твоихъ, гдѣ только годъ назадъ
Любовью грудь моя и вѣрой наполнялась,
И пѣсня русская не разъ со струнъ срывалась
Когда я пѣть хотѣлъ сіонскимъ пѣснямъ въ ладъ,
Здѣсь буду я рыдать!... Я въ пѣснѣ изолью
Все, что въ душѣ моей измученной таилось,
И гдѣ впервые грудь надеждою забилась,
Тамъ пѣснь надгробную надеждѣ я спою...

Еврейская мелодія.

Исходъ, XIV, 15.
Михо, II, 10.

И зорокъ глазъ, и крѣпки ноги,
И посохъ цѣлъ... Народъ родной,
Чего-жъ ты сталъ среди дороги,
Поникъ сѣдою головой?
Ты не одинъ: взгляни—толпой,
Къ тебѣ твои вернулись дѣти...
Прими-же ихъ и всей семьей
Сквозь рядъ народовъ и столѣтій,
Чрезъ бездну мукъ, чрезъ цѣпь невзгодъ.
Ступай впередъ!

Впередъ подъ звуки старой пѣсни!..
Вѣка грядущіе зовутъ,
И громы намъ кричатъ: „воскресни!“
И бури гимны намъ поютъ...
И подъ громами, и подъ тучей
На зовъ святой, на зовъ могучій —
Сквозь строй вѣковъ, чрезъ цѣпь невзгодъ
Дружнѣй, сѣдой старикъ-народъ,
Впередъ! Впередъ!

Давидъ и Голіаѳъ.

«...когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула — ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ:
Ея оружье — Божье слово,
А Божье слово — Божій громъ!..»

Хомяковъ.

Ты говоришь:
„—Неравенъ бой...
Тебѣ-ли, съ пѣснею побѣдной,
Рукою немощной и блѣдной
Сразить враговъ могучій строй?...

Ты слышишь-ли?... То не со скалъ
Бѣжитъ потока мощный валъ
И брызжетъ пѣною кипучей....
То не съ грозою лѣсъ дремучій
Ведетъ свой дикій, злобный споръ
И будитъ эхо дальнихъ горъ...
То не орлы, шумя крылами,
Взвились высоко надъ горами,
Въ обитель грозныхъ облаковъ,
На встрѣчу молній и громовъ...

То звонъ мечей... То шумъ знаменъ...
Со всѣхъ концовъ, со всѣхъ сторонъ,
За ратью рать, за строемъ строй —
Идутъ враги къ тебѣ на бой...
Земля дрожитъ подъ ихъ ногами,
И пыль за ними облаками
Клубится къ тучамъ громовымъ...
Орлы и львы покорны имъ,
Покорно все: земля и воды...
Они — цари! Они — народы!
А ты, безумный!..“

„—Да, ты правъ...
Толпа племенъ... Союзъ державъ...
Топоръ и ножъ... Неравенъ бой!..
Но, гордый силой полчищъ дикихъ
И кровью вскормленный герой!
Мнѣ, властелину думъ великихъ,
Питомцу истины святой —
Мнѣ не завиденъ жребій твой!..

Мнѣ не завиденъ жребій твой,
Затѣмъ, что путь твой кривъ и ложенъ,
Затѣмъ, что злобой онъ проложенъ,
Утоптанъ завистью и зломъ.
О, ты безсиленъ и ничтоженъ
Во всемъ могуществѣ своемъ, —
Затѣмъ, что честь тобой забыта —
Какъ рабъ, ты бросилъ въ прахъ ее —
Затѣмъ, что тьма — твоя защита,

И ложь — оружіе твое!..
А мнѣ легко бороться съ ложью
И передъ тьмою страха нѣтъ:
Мое оружье — правда Божья,
Моя защита — Божій свѣтъ...

И я готовъ... Въ устахъ — молитва,
Въ душѣ — надежда, жаръ — въ крови...
Мнѣ миръ—борьба, мнѣ праздникъ—битва
Во имя правды и любви!

Притча о золотомъ ключѣ.

(Талмудъ-Іерушалми).

Когда-то жилъ король могучій,
Въ большомъ дворцѣ своемъ
Хранилъ безцѣнныя богатства
Подъ крѣпкимъ онъ замкомъ.

Къ замку—изъ золота литого
Придѣланъ ключикъ былъ;
Его всегда и днемъ и ночью—
Король съ собой носилъ.

Но ключъ былъ малъ,—опасно было
Его съ собой носить:
Онъ могъ легко или потерянъ,
Или украденъ быть...

Король подумалъ... И снимаетъ
Онъ цѣпь свою съ груди
И ключикъ малый укрѣпляетъ
На царственной цѣпи.

Изъ золота литого также
И цѣпь его была,
Да тяжела-то непосильно,
Длинна и тяжела...

* * *

Судьбу Израиля прочелъ я:
Онъ—ключъ у двери той,
Что кажетъ путь къ свободѣ, къ братству
И къ истинѣ святой.

Чтобъ этотъ ключъ не затерялся
И не похищенъ былъ,
Господь его къ цѣпи тяжелой
Навѣки прикрѣпилъ...

Старое горе.

(9-е Аба).

(Іереміада, II, 14).

Плачь, дитя мое, плачь! Это старое горе
Стоитъ много горючихъ, мучительныхъ слезъ!..
Пусть суровы набѣги бушующихъ грозъ,
Пусть бѣда за бѣдой на широкомъ просторѣ
Набѣгаютъ и новое горе несутъ,—
Дитя, въ это старое горе,
Какъ рѣки въ бездонное море,
Всѣ новыя муки текутъ:
И горе, что̀ есть, и то горе, что̀ было,
И то, что̀ еще не пришло, —
Оно ихъ зачало, оно ихъ носило,
Оно ихъ на свѣтъ родило!..

* * *

(Тамъ, III. 21).

Есть два утѣшенія въ мірѣ: тотъ нищій,
На праздникѣ общемъ непрошенный гость,
Которому бросили корку иль кость,
Доволенъ и этою жалкою пищей:

Онъ прежде и той не имѣлъ...
Къ блестящимъ чертогамъ, гдѣ люстры сверкали,
Гдѣ пляска кипѣла и пѣсни звучали,
И хохотъ веселый гремѣлъ,
Два раза вчера подходилъ онъ съ мольбою;
Вельможа замѣтилъ... рукою махнулъ,—
Послушная челядь явилась толпою...
Прогнали... Ушелъ и голоднымъ уснулъ...
И, вспомнивъ вчерашнее, жадно онъ гложетъ
Объѣдки сухіе... А на-ночь уснетъ
Съ надеждой, что завтра, быть можетъ,
Онъ даже и счастье найдетъ...
И тихо слетятся ночныя видѣнья
Къ усталымъ, сомкнутымъ очамъ...

Дитя, эти два утѣшенья
Остались и намъ...

Изъ средневѣковыхъ картинъ.

«Es ist eine alte Geschichte...»

Засверкали глаза... закипѣли сердца...
Размахнулись удалыя руки...
Крикъ ребенка смѣшался со стономъ отца;
Рѣки слезъ полились и текутъ безъ конца...
Новый мигъ — и все новыя муки...

Тамъ вопитъ оскорбленная, бѣдная мать.
Съ крикомъ дочь къ ней на грудь упадаетъ...
Сердце стынетъ въ груди, и нѣтъ силъ ужь рыдать.
И не надо несчастной признанью внимать:
И безъ словъ она все уже знаетъ...

Тамъ другой слышенъ дикій, отчаянный крикъ...
Тщетно бѣдная молитъ и проситъ...
Весь въ крови ея блѣдный, страдальческій ликъ...
Смерть нависла надъ ней... А она въ этотъ мигъ
Міру новую душу приноситъ...

О зачѣмъ въ этотъ міръ ты явилось, дитя,
На позоръ и на тяжкія муки?!...
Колыбель тебѣ будетъ сырая земля,
И съ любовью къ груди помертвѣвшей — тебя
Не прижмутъ материнскія руки...

Часъ пройдетъ — и не будешь ты больше страдать...
Поспѣши-же обратно въ дорогу,
Въ ту дорогу, которой ушла твоя мать,
И о томъ, что тебѣ здѣсь пришлось увидать,
Разскажи милосердому Богу!...

Сонетъ.

(Надпись на портретѣ.)

Передъ тобою храмъ съ закрытыми дверями.
Суровый-ли чернецъ въ безмолвной полумглѣ
Невольно задремалъ, и блѣдными лучами
Играетъ блескъ лампадъ на мертвенномъ челѣ?

Весталка-ль юная, отдавшись буйной власти
Проснувшейся души, стоитъ передъ огнемъ?
Полна отчаянья, полна безумной страсти —
Молитву-ли творитъ въ безмолвіи ночномъ,

Иль шепчетъ злобныя проклятья и укоры?
Кто скажетъ это намъ?—Желѣзные затворы
Молчатъ, безмолвенъ храмъ, отвѣта не даетъ...

Такъ не ищи-жъ въ чертахъ, безъ жизни, безъ движенья,
Ни смысла тайныхъ думъ, ни скрытаго значенья
Того, что въ глубинѣ души моей живетъ.

На родинѣ.

Я вновь пришелъ къ тебѣ, родная сторона;
Пришелъ измученный, съ поникшей головою,
Но радостью нѣмой душа моя полна,
Той тихой радостью, той свѣтлой тишиною,
Что вѣютъ въ полумглѣ румяныхъ вечеровъ
Съ обрывовъ и низинъ днѣпровскихъ береговъ,
Гдѣ въ свѣтлой глубинѣ души моей впервые
Два звука родились, согласные, родные,
Какъ два подземные ключа,—
И пѣсня первая, свѣжа и горяча,
Зажглась въ моихъ устахъ, вскипѣла подъ перстами
И брызнула со струнъ звенящими струями...

О, родина моя, не даромъ-же душой
Стремился я къ тебѣ... Я помню вечеръ ясный,
Когда лишь въ первый разъ прощался я съ тобой,—
Безбрежной пеленой, цвѣтущей и прекрасной,
Лежали вкругъ меня родимыя поля;
Широкаго Днѣпра зеркальная струя,
Озарена вдали румяною зарею,
Звенѣла подъ горой, и сѣтью свѣтовою

Ложился отблескъ золотой
Отъ зыби тихихъ водъ на скатъ береговой;
Сирень цвѣла; роса въ долинѣ ужь сверкала,—
Все миромъ, тишиной и радостью дышало...

То былъ-ли шопотъ волнъ, то грёза-ли была?—
Я помню—все во мнѣ мгновенно встрепенулось,
И звуки, стройные, какъ мѣрный шумъ крыла
Орлицы молодой,—души моей коснулись...
Родимый уголокъ мнѣ тихо говорилъ:
„— Прощай, дитя мое!.. Я много, много силъ
Вскормилъ въ твоей груди... Иди безъ сожалѣнья,
Куда влекутъ тебя завѣтныя стремленья,—
Бойцомъ свободы и добра;
Живи, борись, люби!.. Когда-жь придетъ пора,
И ты, измученный тяжелою борьбою,
Поникнешь бѣдною, усталой головою,—

„Тогда вернись ко мнѣ...“—О, родина моя,
Прими-жь меня, прими дитя свое больное!
Ты много силъ дала,—по каплѣ, какъ змѣя,
Ихъ высосали скорбь и горе роковое.
Я за себя страдалъ, боролся за себя—
И устоялъ въ борьбѣ, страдая и любя,
Но горе, новое, негаданное горе,
Безбрежное, какъ міръ, бездонное, какъ море,
Изъ тысячъ стонущихъ грудей
Проникло въ грудь мою; въ больной душѣ моей
Безумный, страшный крикъ отчаянья раздался,—
И заглушить его напрасно я старался...

Но я вернулся къ вамъ, родимыя поля,
И божья благодать живительной волною
Струится въ грудь мою... Полна душа моя
Той тихой радостью, той свѣтлой тишиною,
Что́ вѣютъ въ сумракѣ душистыхъ вечеровъ
Со скатовъ и низинъ днѣпровскихъ береговъ...
Шуми, шуми-же, Днѣпръ, прохладой водъ зеркальныхъ
Обвѣй больную грудь и бурю думъ печальныхъ
Въ умѣ тоскливомъ утиши!
Зажгись, заря, во мглѣ измученной души,—
И пусть я встану вновь, на бой враговъ скликая,
Страдая и любя, молясь и проклиная!..

Видѣніе алхимика.

Угрюмый и блѣдный сидѣлъ алхимикъ надъ книгой старинной,
И взоръ его мрачныхъ очей блуждалъ по строкѣ роковой:
„Чтобъ золота тайный родникъ обрѣсть безъ усилій и скоро,
Ты солнечный лучъ улови и въ нѣдра земныя зарой.“
И долгіе годы прошли. Алхимикъ все также угрюмо
Надъ той-же строкою сидѣлъ; но тщетно усталымъ умомъ
Онъ въ тайну загадочныхъ словъ проникнуть желалъ. —
И однажды
Таинственный старецъ ему явился въ безмолвьи ночномъ.
Онъ быстро къ столу подошелъ и, книгу накрывши рукою,
Промолвилъ: „Не въ нѣдрахъ земли ты этотъ источникъ найдешь.
Ты солнечный лучъ схорони глубоко въ душѣ человѣка,
И лучшаго золота въ ней ты вѣчный родникъ обрѣтешь...“

* * *

Въ душѣ моей мрачной, глухой и унылой,
Подруга далекихъ, исчезнувшихъ дней,
Мелькнулъ, словно молнія, образъ твой милый,
И снова все глухо и сумрачно въ ней.
Лишь гдѣ-то—во мнѣ-ли, или надо мною—
Я слышу—звенитъ и трепещетъ струна...
Забытыя грезы лучистой толпою
Встаютъ на мгновенье отъ долгаго сна...

И мнится мнѣ: мрачной, осенней порою,
Въ часы безпривѣтной ночной тишины,
Украдкой промчалась надъ спящей землею
Съ цвѣтами и пѣсней богиня Весны;
Промчалась,—и снова все холодомъ вѣетъ;
Ничто не наполнитъ нѣмой пустоты;
И только въ травѣ увядая пестрѣютъ
Кой-гдѣ оброненные ею цвѣты...

Три вѣнка.

Нимфа Весны, златокудрая, милая крошка,
Крылышкомъ розовымъ быстро, проворно махая,
Съ пѣснею звонкой влетѣла въ пріютъ мой убогій и, рядомъ
Съ лирой безмолвной моей три вѣнка предо мною повѣсивъ,
Такъ-же проворно и съ пѣсней, какъ прежде, исчезла.

„—Милая крошка!“—ей вслѣдъ прошепталъ я и радостнымъ взоромъ
Сталъ я глядѣть на вѣнки, что̀ пріютъ мой убогій
Мигомъ наполнили тихой и свѣтлой отрадой.

Въ первомъ, обрызганы крупной алмазной росою,
Свѣжія розы ютились, дрожа подъ дыханьемъ Зефировъ,
Точно веселыя дѣвы сомкнулись и ждутъ, и трепещутъ—
Вотъ зазвучатъ сладкозвучныя арфы и флейты,
Быстро вѣнокъ разовьется, и съ пѣсней и смѣхомъ
Пестрыя пары помчатся въ игривую, шумную пляску...

Рядомъ — зубчатые лавры, питомцы Побѣды и Славы,
Темнымъ, тяжелымъ кольцомъ горделиво свивались,
Съ кроткими миртами листья свои чередуя.

Третій... но рядомъ съ душистою розой и лавромъ,
Гордымъ и славнымъ — ни слабымъ своимъ ароматомъ,
Ни красотою своей, одноцвѣтной, унылой,
Не привлекалъ онъ моихъ очарованныхъ взоровъ.
Снялъ я его и, повѣсивъ подальше, въ сокрытомъ,
Темномъ углу, позабылъ про него совершенно,
Весь очарованъ любовью, побѣдой и славой,
Весь предаваясь ихъ силѣ волшебной...

То было
Ранней весною, веселой, цвѣтущей весною.
Дивно прекрасна была та пора золотая, да только
Скоро минула она, а за нею и яркое лѣто
Грустно оставило нивы, сады и долины;
Тихо увяла земля и погасло лазурное небо,
И отовсюду тяжелой тоской и унынiемъ вѣетъ.

Грустно, уныло, темно и въ пріютѣ моемъ безпривѣтномъ.
Грустно, уныло, убого... и все-таки...
Дѣва!
Если въ груди твоей пылкой еще не погасло
Пламя Эрота—уйди отъ порога обители этой!
Юноша! Если ты жаждешь побѣды, почета и славы —
Мимо! — подъ сѣнью унылаго этого крова
Чудо свершилось, но чуждымъ покажется вамъ это чудо:
Розы и лавры лежатъ предо мною, гнiя и чернѣя,
Розы и лавры, воспѣтые мною такъ страстно и нѣжно.
Тотъ-же — забытый, покинутый, ни ароматомъ,
Ни красотою очей ни на мигъ не плѣнявшій,
Нынѣ виситъ предо мною — нетронутый, свѣжій, цвѣтущій,

Словно вчера лишь оставили эти цвѣтки ту долину,
Гдѣ упивались они теплотою лучей полуденныхъ...
Чужды вамъ эти цвѣтки некрасивые...
Это — Безсмертникъ.

ЭЛЕГІИ

I.

(Исаія, 40, III).

И длинный рядъ вѣковъ прошелъ уже съ тѣхъ поръ,
Когда исполненный святого вдохновенья,
Торжественно звучалъ съ вершинъ сіонскихъ горъ
Могучій голосъ утѣшенья:

„—Возстань, страдалица, возстань! Ты прощена;
Ужь милостью полны тѣ руки, что карали...
Великъ былъ божій гнѣвъ, но выпила до дна
Ты чашу скорби и печали!“

И въ этотъ день, когда изъ тысячи грудей,
Истерзанныхъ въ борьбѣ, измученныхъ тоскою,
Звучатъ слова твои, а слезы изъ очей
Текутъ горючею струею —

Текутъ и нѣтъ конца, какъ нѣтъ начала имъ, —
Какой насмѣшкою, жестокой, безпощадной,
Надъ страшной бездной зла, надъ горемъ вѣковымъ
Звучитъ, пророкъ, твой кличъ отрадный!...

Изъ праха поднималъ страдальца этотъ кличъ,
Онъ шелъ на зовъ святой, онъ въ искупленье вѣрилъ.
Но ты не зналъ и самъ, какъ тяжекъ Божій бичъ,
И чаши горькой не измѣрилъ...

Не исчерпать ее и не испить до дна:
Что выпито опять рождается съ избыткомъ;
И пили изъ нея, и пьютъ, и все полна
Она отравленнымъ напиткомъ...

Вотъ почему теперь, когда душа кипитъ
И гнѣвомъ, и тоской томительной, глубокой,
Могучій голосъ твой въ ушахъ моихъ звучитъ
Насмѣшкой горькой и жестокой!...

II.

(Исаія, 40, VI).

Мрачна моя душа, но въ ней огонь порой,
Какъ въ тучѣ молнія, мгновенно загорится;
И, точно дальній громъ, широкою волной
Суровый голосъ прокатится...

И слышится мнѣ въ немъ язвительный укоръ:
„—Зачѣмъ молчишь? Зачѣмъ со струнъ не льются звуки?
Иль боль уже прошла?... Иль малъ еще позоръ?...
А эта скорбь, а эти муки,

„А этотъ стонъ глухой, глубокій, долгій стонъ,
И это жгучее, мучительное горе,
Что разлилось кругомъ, кипитъ со всѣхъ сторонъ —
Безъ дна, безъ берега, какъ море...

„О вспомни дни, когда по пряди золотой
Безмолвныхъ струнъ твоихъ — торжественны и горды —
Созвучья бѣгали пѣвучею струей,
Вились могучіе аккорды;

„И звуки, вольные, какъ ширь и даль полей,
Гдѣ пѣсни первыя въ душѣ твоей назрѣли,
Межъ говорливыхъ струнъ, изъ подъ руки твоей
Потокомъ били и кипѣли.

„О радости чужой и о слезахъ чужихъ
Ты пѣлъ, — но предъ тобой твои родные братья,
И молча ты стоишь, и на устахъ твоихъ
Нѣтъ ни молитвы, ни проклятья!...“

Народъ! Народъ! Одинъ удѣлъ мнѣ данъ съ тобой;
Порывы мощные и связанныя крылья...
Въ очахъ пылаетъ гнѣвъ, душа кипитъ грозой,
Въ рукахъ — постыдное безсилье!...

Мнѣ въ пѣснѣ не излить твоихъ тяжелыхъ мукъ,
А радостей, увы! такъ мало наберется,—
Едва одна струна издастъ веселый звукъ,
Другая съ воплемъ разорвется!...

Не пѣсня здѣсь нужна!... Не пѣснею излить
Народную печаль, неволю вѣковую,
Какъ слабой, кроткою слезой не потушить
Пожара въ бурю роковую!...

III.

(Іереміада I. XX, XXII).

Уноси мою душу въ ту синюю даль,
Гдѣ степь золотая легла на просторѣ—
Широка, какъ моя рокòвая печаль,
Какъ мое безъисходное горе.

Разбужу я былыя надежды мои
И теплую вѣру, и свѣтлыя грезы—
И кипучей рѣкой по раздольной степи
Разолью я горячія слезы.

И по звонкимъ струнамъ я ударю звучнѣй,
И хлынутъ потокомъ забытые звуки;
Разомъ выльетъ душа всѣ созрѣвшія въ ней
Безконечныя, тяжкія муки...

Уноси мою душу въ ту чудную даль,
Гдѣ степь золотая лежитъ на просторѣ—
Широка, какъ моя роковая печаль,
Какъ мое безъисходное горе!...

IV.

(Іеремія гл. XXXI, 14—16 и 11).

Среди родныхъ могилъ, на мрачномъ пепелищѣ
Твоихъ надеждъ былыхъ, твоихъ разбитыхъ грезъ—
Рыдай, народъ, рыдай! Потокомъ жгучихъ слезъ
Буди и согрѣвай холодное кладбище!...
Буди безмолвный прахъ заступниковъ-бойцовъ,
Державшихъ высоко твое святое знамя!...
Пускай твое дыханіе, какъ пламя,
Проникнетъ въ нѣдра ихъ гробовъ
И жжетъ ихъ тлѣнный прахъ, и пусть они толпою
Живые, мощные воскреснутъ предъ тобою!...

И вотъ слетается священный сонмъ тѣней...
Забытыхъ образовъ несется вереница...
Въ сіяньи золотомъ сверкающихъ лучей
Все ярче, все свѣтлѣй становятся ихъ лица...
Взгляни: межъ нихъ — одна... вдали, межъ облаками,
Вся скорби тихой, вся смиренія полна—
Святая, кроткая... чуть движется она...
Лучи бѣгутъ за ней златистыми струями,
Играя радугой въ прозрачныхъ облакахъ,
Застывшихъ подъ ея недвижными ногами...
Святая, скорбная... съ молитвой на устахъ,

Молитвой теплою и теплыми слезами...
„— Рахиль, Рахиль! Рыдай надъ участью дѣтей,
Взлелѣянныхъ тобой, рыдай, не умолкая,
Молись за мой народъ, заступница святая,
Давно онъ искупилъ грѣхи минувшихъ дней,
Давно за счастіе и радости былыя
Съ нимъ строгій счетъ свела жестокая судьба...
Безъ цѣли, безъ угла... гоненья вѣковыя
И муки вѣчныя и вѣчная борьба...
Рахиль, Рахиль!...“

БИБЛЕЙСКІЕ МОТИВЫ

I.

«...Солнце, стой надъ Гаваономъ!...»
Іисусъ, 10, XII.

„Ужь ночь близка; черна, угрюма, какъ могила —
Она ползетъ и мглой все кроетъ по пути...
Остановись, небесное свѣтило!
Не угасай! — путь долгій впереди!..
Дай дня, дай свѣта мнѣ!.. Его святая сила
Кипитъ въ умѣ моемъ, кипитъ въ моей груди...
Остановись-же, чудное свѣтило!
Остановись и путь мой освѣти!..“

Торжественно звучалъ могучій гласъ Навина;
Съ благоговѣніемъ народъ ему внималъ.
Предъ нимъ была степей безбрежная равнина,—
И угасавшій день вновь чудно засіялъ...
И двинулся онъ въ путь... Ряды враговъ рѣдѣли;
Смиренно передъ нимъ бѣжала ночи тѣнь;
Побѣды яркіе надъ нимъ лучи блестѣли,
И разгорался славы новый день...

*
* *

Покрыто тучами и мглою наше небо,
Въ безсильи падаемъ средь тягостной борьбы,
И, беззащитные, теперь, какъ нищій — хлѣба,
Спасенья молимъ у судьбы.
Проглянетъ лишь на мигъ лучъ солнца одинокій,
И снова тьма кругомъ... И душитъ эта тьма,
И жадно пьетъ она всѣ жизненные соки,
Всѣ силы сердца и ума!..
А путь, далекій путь лежитъ еще предъ нами...
Обдуманъ каждый шагъ; намъ наша цѣль ясна:
Неизгладимыми, глубокими чертами
У насъ въ душѣ написана она...
Лишь свѣта, свѣта намъ! Въ порывистомъ усильи
Окончимъ мы борьбу съ тяжелою судьбой;
И будутъ съ каждымъ днемъ все крѣпнуть наши крылья,
И надъ обломками неволи вѣковой,
Надъ грудами могилъ, надъ пепломъ разрушенья,
Полны надеждъ и силъ — взовьемся мы орломъ,
Прійдетъ къ концу нашъ путь, и пѣсню возрожденья
Торжественно и дружно запоемъ!..

II.

«Я открою гробы ваши и выведу васъ изъ гробовъ вашихъ, народъ мой!.. И вложу духъ мой въ васъ, и вы оживете!..»

Іезек. гл. 37, XIII, XIV.

Мнѣ говорятъ они:

„Давно минувшихъ сновъ
Предъ вами носятся туманныя видѣнья,
И на развалинахъ величія отцовъ,
Гдѣ грозною рукой сѣдѣющихъ вѣковъ
Наложена печать холоднаго забвенья,
Какъ остовъ корабля, разбитаго грозой,
Какъ полусгнившій пень на выжженной равнинѣ,
Какъ древко знамени, что̀ брошено въ долинѣ
Сраженнаго бойца безсильною рукой,
Стоите вы, рабы постыднаго безсилья,
И тѣшитесь безумною мечтой
Вновь гордо развернуть, грозою вѣковой
Разбитыя, истерзанныя крылья...“

. . . . . .

Жалка толпа безсмысленныхъ рабовъ,
Надменности пустой и гордости ничтожной,
Плетущихся дорогой ложной,

Проторенной стопою ихъ отцовъ!..
Слѣпцы!.. Пусть много насъ, здоровыхъ, юныхъ силъ
И гибнетъ жертвами позорнаго гоненья,
Таится нашъ огонь подъ пепломъ разрушенья,
И жизнь кипитъ въ объятіяхъ могилъ,
И силы новыя могучій духъ живитъ,
И къ жизни тлѣнные останки вызываетъ,
И изъ костей отцовъ, изъ-подъ могильныхъ плитъ
Онъ племя новое рождаетъ!..

III.

Числа. XI, 27—30.

Быстро отдернулся пологъ шатра, и у входа,
Ткани узорныя сжавши дрожащей рукою,
Юноша вдругъ появился, испуганный, блѣдный.
„— Вождь — онъ воскликнулъ — измѣна!.. Пророками Эль-
дадъ и Медадъ
Провозгласили себя предъ народомъ!.. Весь лагерь, мятежной,
Шумной толпою собравшись, рѣчамъ ихъ внимаетъ!..“
Мигомъ вскочивъ и небрежной ногой попирая
Свертокъ папируса съ планомъ окружныхъ владѣній —
„Мести!“ — воскликнулъ Навинъ: „Моисей! Заточи ихъ!..“

Медленнымъ шагомъ направился къ выходу вождь; на порогѣ
Сталъ онъ и взоромъ окинулъ равнину Фарана...
На невысокомъ, покатомъ холмѣ, подъ навѣсомъ
Двухъ тамариндовъ зеленыхъ, стояли два старца
Съ кроткой и ясной улыбкой на лицахъ привѣтныхъ,
И, окруживъ ихъ волнистой, живой пеленою,
Шумно толпились и старцы, и жены, и дѣти,
Длинныя тѣни бросая по дикой песчаной равнинѣ,
Залитой знойнымъ, пурпуровымъ блескомъ заката...

И, обернувшись къ Навину съ улыбкою грустной,
Вождь устремилъ на него свои скорбныя очи;
Искра упрека мелькнула во взорѣ недвижномъ,
Легкая тѣнь по челу пробѣжала и скрылась;
И, наконецъ, зазвучалъ въ тишинѣ его голосъ:
„—Мести, сказалъ ты?.. За что? За правдивое слово?!.. Но развѣ
Правда властна надъ однимъ и подвластна другому?..
О, если-бъ весь мой народъ состоялъ изъ пророковъ!..“

IV.

Второзак. III, 25—28. XXXII, 48—52. XXXIV 1—5.

Волѣ всевышней покорный — съ равнинъ Моавитскихъ
Вождь поднялся по уступамъ Нево, направляясь
Къ дальней, туманной вершинѣ, покрытой столѣтней,
Дѣвственной чащей угрюмыхъ, морщинистыхъ кедровъ.
Скоро достигъ онъ до крайняго выступа Фазги,—
И восхищенному взору его чародѣйно —
Разомъ предсталъ Ханаанъ, весь отъ края до края.

Солнце къ закату склонялось. Алмазнымъ потокомъ
Било оно по сверкающей глади Іордана;
Розовымъ бархатомъ зыблились долы Сарона
Въ блескѣ прощальныхъ лучей; голубою громадой
Высился стройный Кармель надъ цвѣтущей низиной;
Ширь Галлаада раздольнаго взоръ утомляла,
Справа теряясь въ долинахъ далекаго Дана,
Слѣва — въ туманѣ, вставшемъ надъ Озеромъ Мертвымъ.
Далѣе — горы Ефремовы, степь и озера;

Край Неѳалимоѫъ со смежной землей Манассіи;
Красная розсыпь песчаной пустыни Энъ-Геди;
Снѣжные гребни Ливана подъ хмурымъ навѣсомъ
Кедровыхъ боровъ; зеленыя, зыбкія купы
Маслинъ и пальмъ Ерихонскихъ; живые изгибы
Горныхъ потоковъ... О, сколько чарующихъ красокъ,
Отблесковъ яркихъ, тѣней, очертаній, узоровъ!...

Съ громкимъ рыданьемъ, подобно ребенку, невольно
Палъ на колѣни великій божественный старецъ.
„—Господи!—горько воскликнулъ онъ—Господи Правый,
Смилуйся!—Я не хочу умереть, не ступивши
Старой ногою своей за рубежъ Ханаана—
Цѣли всей жизни моей, всѣхъ надеждъ и желаній!...
Дай-же омыть мнѣ сѣдыя, столѣтнія кудри
Струйкой кристальной на свѣтлыхъ брегахъ Іордана!
Дай мнѣ упиться прохладой дремучей дубравы,
Дай подышать на свободѣ!... Пусть вѣтеръ вечерній
Кроткимъ дыханіемъ ласково, тихо обвѣетъ
Старую грудь, опаленную зноемъ пустыни....
Смилуйся, Праведный! Смилуйся, Боже великій!
День хоть одинъ, за тяжелые, долгіе годы!“....

„—Смертный,—раздался въ отвѣтъ ему голосъ нагорный:
Смертный, избранникъ мой, славный и лучшій изъ смертныхъ!
Вспомни источникъ Меривы... Съ ударомъ преступнымъ
Поднялъ ты руку на камень, нѣмой, беззащитный.
Кроткое слово презрѣвъ, ты прибѣгнулъ къ насилью!...
Нѣтъ, ты не вступишь въ предѣлы страны заповѣдной!“

Видѣніе пророка Исаіи.

«...И перекуютъ мечи свои на сошники и копья свои на серпы...». «Укоренится Іаковъ, разцвѣтетъ Израиль и дастъ отпрыскъ, и наполнитъ плодами вселенную...»

Исаія, гл. 2, IV и гл. 27, VI.

I.

Въ тѣ дни Іудейская земля
Еще носила свѣжій слѣдъ
Недавно пережитыхъ бѣдъ
Междоусобныхъ смутъ. Поля,
Долины, пажити, сады,
Жилища мирныхъ пастуховъ
И живописные ряды
Чертоговъ пышныхъ и дворцовъ,
Тонувшихъ въ зелени садовъ,—
Все глохло, рушилось; кругомъ
Опустошенія на всемъ
Печать тяжелая легла
И роскоши минувшихъ лѣтъ
Послѣдній блескъ, послѣдній слѣдъ
Въ обломкахъ жалкихъ погребла...

И густолиственный Ливанъ
Стоялъ, какъ грозный великанъ
Съ кудрявой, мощной головой,
Объятый дремой вѣковой.
Онъ съ тихой грустью вспоминалъ
Въ тиши безоблачныхъ ночей,
О радостяхъ минувшихъ дней,
И лишь нѣмымъ громадамъ скалъ
Свои онъ думы повѣрялъ...

Звѣзда Сіона съ каждымъ днемъ
Темнѣла, меркла... а кругомъ
Кипѣла злоба и вражда,
И кровь лилась, лилась...

Тогда
Возсталъ пророкъ...

II.

Еще съ безпечныхъ юныхъ лѣтъ.
Храня божественный завѣтъ,
Любовью къ ближнему горя,
Къ плитамъ холоднымъ алтаря
Припалъ онъ грудью молодой...
Счастливый сынъ земли святой,
Дитя свободы и труда,
Среди луговъ, среди полей
Цвѣтущей родины своей—
О чемъ молился онъ тогда?
Чего еще онъ могъ желать,
Когда Господня благодать
На край родной лилась кругомъ,
Просторъ полей былъ такъ широкъ,
Такимъ обильемъ и добромъ
Былъ полонъ каждый уголокъ!..

Но съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ,
Съ приливомъ новой силы — въ немъ
Стремленья тайныя росли
И молодое сердце жгли;
И чуткой, пламенной душой

Рвался, стремился онъ въ ту даль,
Гдѣ неба синяя эмаль
Слилась съ зеленою травой
Родныхъ луговъ, родныхъ полей,
Облитыхъ золотомъ лучей...
Тотъ чудный видъ его плѣнилъ,
Туда рвался онъ: въ той дали,
Въ сліяньи неба и земли
Его великій геній жилъ...
И этихъ грезъ родникъ святой
Онъ съ вѣрой твердой и живой
Всю жизнь хранилъ въ душѣ своей...
И свѣтлый рядъ счастливыхъ дней,
И годы горькихъ нуждъ и бѣдъ,
И каждый вздохъ земли родной—
Все оставляло вѣчный слѣдъ,
Все находило звукъ живой,
Живой отвѣтъ въ душѣ его.
Въ себѣ единомъ воплотивъ
Всю жизнь народа своего,
Онъ жилъ лишь имъ и для него...

И годы шли... Средь этихъ нивъ,
Гдѣ раздавалась пѣснь жнецовъ,
Въ тиши румяныхъ вечеровъ,
Иной ужь пѣсни переливъ
Къ нему донесся...

III.

Ночи тѣнь
Повисла мрачной пеленой
Надъ Іудейскою страной...
Еще одинъ ужасный день
Прошелъ; еще одна волна
Стихій житейскихъ пронеслась
И съ моремъ вѣчности слилась,
И жажды новыхъ жертвъ полна,
Спѣшитъ, бѣжитъ за нею вслѣдъ,
Кровавый оставляя слѣдъ,
Другая, третья... Много ихъ
Прошло обычной чередой
Надъ Іудейскою землей,
И, много, много дорогихъ,
Могучихъ, свѣжихъ, юныхъ силъ
Унесъ тотъ жизненный потокъ...

Прошло полвѣка...
Старъ и хилъ—
Великій гражданинъ-пророкъ,
Въ чьей теплой, любящей груди
Лишь было мѣста для любви,

Теперь — поруганъ, одинокъ,
Отвергнутъ тѣми, для кого
Всѣ силы сердца своего
Всегда отдать онъ былъ готовъ —
Стоитъ, отчаянія полнъ,
На берегу тѣхъ самыхъ волнъ,
Въ тѣни тѣхъ кедровъ и дубовъ,
Гдѣ, внемля пѣснямъ соловьевъ,
Бывало, прежде столько разъ
Сидѣлъ въ глухой полночный часъ
И грудью полною вдыхалъ
Онъ свѣжій ароматъ луговъ
И пѣсни звонкія слагалъ
Онъ про свободу и любовь...
И что-жъ теперь?!..

IV.

...Какъ Божій громъ,
Когда въ безмолвіи ночномъ,
При блескѣ молніи, густой,
Широкой, гулкою волной
Катится онъ средь мрачныхъ тучъ,
Прекрасенъ, чуденъ и могучъ—
Надъ непокорною толпой
Звучалъ пророка гласъ святой:
„Сіонъ, Сіонъ! Давно-ль съ вершинъ
Своихъ цвѣтущихъ, чудныхъ горъ
Ты, какъ могучій исполинъ,
Бросалъ счастливый, гордый взоръ
На необъемлемый просторъ
Луговъ, полей родной земли?..
Давно-ль тебѣ изъ дальнихъ странъ
За караваномъ караванъ
Дары богатые несли?
Цари дрожали предъ тобой,
Весь міръ привѣтливой рукой
Вѣнки бросалъ къ твоимъ ногамъ;
И былъ твой чудный, пышный храмъ—

Литой изъ бронзы великанъ—
Красой, вѣнцомъ восточныхъ странъ!..
Давно-ль?!.. Смотри-жъ, чѣмъ сталъ, Сіонъ,
Твой пышный храмъ, твой чудный тронъ
И знамя славы вѣковой,
Что̀ развѣвалось надъ тобой!..
Гдѣ чудный блескъ твоихъ дворцовъ
На Іорданскихъ берегахъ?
Гдѣ пѣсни звонкія жнецовъ
На Ефреемовыхъ поляхъ?!..
Обитель мира и любви—
Ты мечъ и кровь возвелъ въ законъ,
Зовешь ты пѣсней—плачъ и стонъ,
И въ братской тонешь ты крови,
Горишь въ предательскомъ огнѣ!..
И близокъ часъ... (О, горе мнѣ!..)
Твою святыню—рядъ знаменъ,
Былыхъ вѣковъ, былыхъ временъ,
Тріумфы славы и побѣдъ—
Твой врагъ съ презрѣньемъ заплюетъ
И безвозвратной славы слѣдъ
Пескомъ и пепломъ замететъ!..
Проснись, народъ! Передъ тобой
Лежатъ поля земли родной;
Они манятъ, они зовутъ
Тебя на честный, вольный трудъ...
Довольно! Брось кровавый мечъ
И за кормилицей-сохой
Ступай родимой полосой!..
Проснись, народъ, проснись, и съ плечъ
Твоихъ спадетъ тяжелый гнетъ

Лишеній, рабства и невзгодъ,
И загорится, заблеститъ
Заря спасенья надъ тобой
И новыхъ силъ могучій строй
Рукою мощной оживитъ
Въ обломкахъ славы вѣковой...

„—Оставь, старикъ, безумный бредъ!..“
На это былъ ему отвѣтъ...

V.

И слезы хлынули ручьемъ
Изъ тусклыхъ, старческихъ очей...
Но силы прошлыхъ, юныхъ дней
Могучимъ, пламеннымъ ключемъ
Опять заклокотали въ немъ...
И былъ онъ чуденъ и великъ!..

„Народъ, народъ!..“

И въ этотъ мигъ
Видѣнье чудное предъ нимъ
Предстало: блескомъ золотымъ
Залилось все... Сквозь тонкій паръ,
Изъ за далекихъ, синихъ скалъ
Блестящій поднимался шаръ
И чуднымъ блескомъ озарялъ
Коверъ роскошныхъ зрѣлыхъ нивъ;
И золотистый переливъ,
Гонимый легкимъ вѣтеркомъ,
Бѣжалъ по нивамъ золотымъ;
И тутъ и тамъ, блестя серпомъ,

Чредою шли жнецы по нимъ,
И отъ межи и до межи,
Ныряя въ колосистой ржи,
Ватага рѣзвая дѣтей
Шныряла... Ржаніе коней,
Веселыхъ пѣсенъ и рѣчей
Немолчный гулъ и трели птицъ,
И звонкій смѣхъ веселыхъ жницъ —
Все шумною неслось волной...
И долго, долго онъ блуждалъ
Тревожнымъ взоромъ предъ собой,
И долго онъ не узналъ
Ни этой степи золотой,
Ни незнакомыхъ, чуждыхъ лицъ
Толпы дѣтей, жнецовъ и жницъ...
Но вотъ, среди далекихъ нивъ
Услышалъ стройный онъ мотивъ:
Молитвы гимнъ тамъ зазвучалъ...
И взоръ его вдругъ заблисталъ
Восторгомъ, счастьемъ... „Тамъ они,
Родные, бѣдные мои!..“
Воскликнулъ онъ... И въ этотъ часъ,
Подобный шуму дальнихъ волнъ,
Какой-то силы властной полнъ —
Надъ нимъ звучалъ нагорный гласъ:

„Прійдетъ пора — перекуютъ
Мечи въ соху и въ серпъ народы
И общимъ хоромъ запоютъ:
„Живи, священный, честный трудъ,
Подъ сѣнью братства и свободы!..“

И братья бѣдные твои,
Полны спокойствія и мира,
Тогда сольютъ сердца свои
Въ томъ гимнѣ счастья и любви,
Въ могучемъ строѣ звуковъ міра!..“

ДѢДУШКИНЫ СКАЗКИ

I.

„...Что ты, дѣдушка, такъ грустенъ
И о чемъ всегда читаешь
Въ этой книгѣ, что такъ часто
И такъ горько ты рыдаешь?

Полно, дѣдушка-голубчикъ,
Брось ты эту книжку злую,—
Лучше басенку прочти намъ
Или сказочку какую...“

„—Басенъ, дѣтки, а не знаю;
Ихъ другіе люди знаютъ
И хранятъ ихъ, какъ святыню,
И за истину считаютъ...

Разскажу вамъ лучше сказку,
Что̀ давно мнѣ расказала
Эта старенькая книжка:
—Много лѣтъ ужь миновало

Съ той поры, какъ наши дѣды
Дѣти маленькія были,
По складамъ читали книжки
И въ отцовскомъ домѣ жили.

Хорошо тогда жилось намъ,
Въ изобиліи и холѣ,
На родныхъ лугахъ и нивахъ,
На широкой, вольной волѣ.

Но мы злыя были дѣти—
Часто ссорились и дрàлись,
И въ сосѣднихъ лужахъ часто
Скверною всякою марались...

А отецъ былъ строгъ и больно
Насъ наказывалъ; но хуже
Съ каждымъ днемъ мы становились—
Все къ сосѣдямъ лѣзли въ лужи...

И не вытерпѣлъ отецъ нашъ—
Выгналъ всѣхъ, сказавъ: „идите!
Если любы вамъ сосѣди,
То вы съ ними и живите!...“

И пошли мы... Боже правый!
Какъ страдали мы глубоко,
Какъ встрѣчали насъ сосѣди—
Какъ терзали насъ жестоко!...

Этотъ въ душу забирался
Съ лестью хитрою лисицы...
Тотъ былъ волкомъ кровожаднымъ
Съ видомъ кроткой голубицы.

Тотъ усердствовалъ надъ нами—
Рѣзалъ, жегъ съ любовью вящей—
Для грядущаго блаженства
И для муки настоящей...

Это были люди-камни,
Люди-звѣри, люди-змѣи!
И, что день, насъ обступали
Все тѣснѣе и тѣснѣе..."

„...Дѣдушка, но это долго
Не могло-же продолжаться?..."
„—Долго, дѣти, о, какъ долго!...
Но чему тутъ удивляться?—

То, что было, и теперь есть,
И, быть можетъ, будетъ вѣчно:
Вѣчно звѣрю тѣсно будетъ
Рядомъ съ тѣмъ, что человѣчно...

Горе было, горе будетъ,
Будутъ бури и ненастье...
Но и горе наше сладко:
Въ нашемъ горѣ—наше счастье...

Посмотрите... буря воетъ,
Съ дикимъ ревомъ плещетъ море—
Широко, какъ вѣра наша,
Глубоко, какъ наше горе...

Отверзаются пучины—
И кипучи, и бездонны...
Эти волны—наши слезы,
Эта буря—наши стоны...

Приливаетъ это море
Не годами, а часами,
А назадъ... назадъ, родные,—
Льется долгими вѣками...

Но за то, когда отлива
Часъ послѣдній наступаетъ,
Что за чудный намъ подарокъ
Это море оставляетъ:

На брегу, гдѣ клокотали
Слезы въ бурномъ изступленьи,
Мы находимъ въ изобильи
Драгоцѣнные каменья;

Не сапфиры, не рубины,
Не алмазы тѣ каменья
И не служатъ ни порфирамъ,
Ни вѣнцамъ для украшенья;

Эти камни дорогіе
Нашу душу украшаютъ;
Эти камни чуднымъ блескомъ
Темный путь нашъ освѣщаютъ...

Это, дѣти—наша вѣра,
Вѣра твердая, какъ камень,
Вѣра свѣтлая, какъ солнце,
Вѣра жаркая, какъ пламень...

И съ окрѣпшей, новой вѣрой
Ждемъ мы новое ненастье...
Въ нашемъ горѣ—наша вѣра,
Въ нашей вѣрѣ—наше счастье!..

Такъ намъ дѣдушка нерѣдко
Говорилъ и улыбался,
И горячими слезами,
Улыбаясь, обливался...

II.

(Праздникъ Пасха).

„...И тамъ, дитя, ручьи журчали,
Пестрѣли розы на лугахъ,
И звѣзды яркія сверкали
На темно-синихъ небесахъ;

И тамъ вставало солнце утромъ
Изъ-за туманныхъ высей горъ,—
И отливали перламутромъ
И ширь полей, и гладь озеръ...

Но тамъ съ журчаньемъ струй веселыхъ
Сливался зычный визгъ бича
И рѣзкій лязгъ цѣпей тяжелыхъ,
И дикій хохотъ палача;

Не отъ лучей алѣли розы
И не роса кропила ихъ,
А кровь румянила, и слезы
Обильно падали на нихъ.

Толпа безмолвныхъ звѣздъ внимала
Глубокимъ стонамъ въ тьмѣ ночной,
И солнце язвы распаляло,
Вливая въ нихъ свой жгучій зной —

Кипѣло слезъ горючихъ море,
Угрюмой тьмой чернѣла даль...
Дитя, мозможно-ль глубже горе,
Возможна-ль жгучѣе печаль?!..

***

Вѣка прошли... Не громъ могучій
Ударилъ въ грудь гранитныхъ скалъ,
Не ураганъ съ грозой кипучей
На боръ дремавшій набѣжалъ...

То всталъ великій вождь народа,
Чтобъ цѣпи рабства разорвать, —
И повела за нимъ свобода
Неволей вскормленную рать, —

Онъ всталъ въ величіи суровомъ,
Съ волшебнымъ посохомъ въ рукахъ, —
И предъ его могучимъ словомъ
Повергся цѣлый міръ во прахъ!..

И съ каждымъ днемъ сильнѣй, сильнѣе
Росла святая мощь его...
Дитя! Возможно-ли полнѣе,
Возможно-ль выше торжество?!“

***

Кончилъ сказку дѣдушка...
Полны теплой ласки —
У малютки весело
Засвѣтились глазки;

Розовое личико
Радостью сказалось —
Все-то вдругъ заискрилось,
Все-то засмѣялось...

Ой, вы, струны звонкія,
Что-жъ вы пріуныли?!...
Грянули-бъ веселую,
Душу-бъ разбудили —

Влили-бъ въ горемычную
Новой жизни сладость!...
Это-ли не праздничекъ?
Это-ли не радость?!...

***

Но напрасно, напрасно я струны будилъ,
Напрасно ждалъ пѣсни свободной...
Точно кто-то перстами моими водилъ

И уныло звучавшія струны холодной,
Свинцовой рукою давилъ...
. . . . . .
О, прости меня! Полонъ тоскою тяжелой,
Подъ гнетомъ печалей твоихъ и невзгодъ,
Ни одной еще пѣсни веселой
Я не спѣлъ тебѣ, бѣдный народъ!...

БАЛЛАДЫ

Арфа.

(Псаломъ CXXXVII).

Надъ свѣтлымъ зеркальнымъ Евфратомъ
Плакучая ива стоитъ;
На вѣтви, надломленной бурей,
Разбитая арфа виситъ.

По остову трещина змѣйкой
Отъ края до края прошла,
И сѣть паутины дрожащей
На старыя струны легла.

Молчатъ эти ветхія струны...
Не будитъ ихъ шопотъ волны,
Не будитъ дыханіе ночи,—
Ни кроткія ласки луны,

Ни розовый отблескъ вечерней
Зари въ голубой вышинѣ...
И кроются ржавчиной желтой
И сѣрою пылью онѣ...

*

Но въ часъ непогоды суровой,
Когда надъ угрюмой землей
Катятся тяжелые громы,
И тучи несутся толпой,

И гнутся со стономъ деревья,
И мечутся въ страхѣ стада,—
Великое чудо творится
Съ безмолвною арфой тогда:

Подъ грохотъ раскатовъ громовыхъ
И бури, гудящей вокругъ,—
Вновь трепетомъ жизни и силы
Она исполняется вдругъ.

Вновь струны ея оживаютъ
Подъ чьей-то незримой рукой,
И звонкая пѣснь раздается
Надъ шумной, бурливой рѣкой...

Все громче становится пѣсня,
Все тише и грохотъ, и стонъ...
И къ арфѣ какія-то тѣни
Слетаются съ разныхъ сторонъ...

И, бѣлой, крылатой толпою
Витая надъ ней въ вышинѣ,
Унылымъ, печальнымъ напѣвомъ
Чуть слышно ей вторятъ онѣ...

Все тише становится буря,
А пѣсня все звонче гремитъ...
Въ той пѣснѣ — о рыцарѣ славномъ
Старинная повѣсть звучитъ, —

О рыцарѣ — въ горькой неволѣ,
Въ тяжелыхъ, желѣзныхъ цѣпяхъ,
Но — съ львиной отвагой и мощью,
Но съ гнѣвомъ кипучимъ — въ очахъ.

Безъ брони и панцыря бродитъ
Тотъ рыцарь въ удушливой мглѣ —
Съ печатью грядущей побѣды
На свѣтломъ и гордомъ челѣ...

Но тѣни блѣднѣютъ... все дальше
Несутся... все тише поютъ...
Къ концу приближается пѣсня, —
И робко, и нѣжно текутъ

Прощальные струнъ переборы...
И вотъ ужь послѣдній ихъ звукъ
Дрожащимъ раздался аккордомъ
И замеръ... Все тихо вокругъ.

Уснули поля и долины,
Ни звука въ пустынной глуши,
Лишь тихіе слышатся стоны
И чьи-то рыданья въ тиши...

Дѣти земли.

Migrasch-Tanchuma.

Любуясь весенними всходами,
Горами и рощей вдали,
Я вспомнилъ сказанье завѣтное,
Сказанье о „дѣтяхъ земли“.

Когда властелиномъ египетскимъ,
Чтобъ грозный свой тронъ охранить
Отъ мнимыхъ враговъ и предателей,
Приказано было топить

Невинныхъ младенцевъ израильскихъ,—
Печальныя матери ихъ,
Скрываясь въ дубравѣ таинственной,
Далеко отъ взоровъ людскихъ,

Подобно тигрицамъ, безъ помощи,
Въ глуши и безмолвьи ночей,
Рожали въ жестокихъ мученіяхъ
На смерть обреченныхъ дѣтей.

Взирали лишь звѣзды безмолвныя
Со сводовъ небесъ голубыхъ
На слезы, на ласки пугливыя,
На муки тяжелыя ихъ.

Обливши слезами горючими
Головку родимую, мать
Спѣшила малютку злосчастнаго
Къ груди на прощанье прижать

И тайно, обходами дальними,
Вернуться до утра домой...
И чудо свершилось великое
Подъ сѣнью дубравы святой:

Едва исчезала несчастная
За просѣкой рощи вдали,
Земля раскрывала глубокія
И темныя нѣдра свои

И, словно зерно заповѣдное—
До свѣтлыхъ и радостныхъ дней,
Скрывала малютку безроднаго
Въ груди благодатной своей.

И ангелъ путемъ неизвѣданнымъ
Въ завѣтную рощу слеталъ;
Чарующей райскою пѣснею
Дѣтей изъ земли вызывалъ.

И, вѣщему гласу послушныя,
Въ прохладной дубравной тѣни,
Толпою шумливой и рѣзвою
Его обступали они;

Невинными ясными глазками
Взирая на ликъ неземной,
Внимали завѣту великому
Свободы и правды святой...

И годы за годами тихою,
Спокойной чредой потекли,
Росли, что колосья весенніе,
И крѣпли питомцы земли.

* * *

Однажды въ дубраву волшебную
Украдкою дѣва пришла:
Она на свиданіе тайное
Изъ Гошена друга ждала.

Она — дочь вельможи богатаго;
Онъ — бѣдный невольникъ-еврей;
Но юная дѣва плѣнилася
И кольцами черныхъ кудрей,

И взоромъ красавца, исполненнымъ
Нѣмой, безнадежной любви,—
И страсть сокрушительнымъ пламенемъ
Зажглась, запылала въ крови.

Не помня ученія строгаго
Великихъ священныхъ жрецовъ,
Безъ страха предъ властью отцовскою,
Безъ страха предъ гнѣвомъ боговъ —

Она полюбила. — Пусть въ будущемъ
Ихъ ждетъ роковая судьба —
Она полюбила и бросилась
Въ объятья еврея-раба.

За то, что любила такъ искренно
Своей непорочной душой,
Ей небо видѣніе чудное
Открыло въ дубравѣ святой...

* * *

Такъ слухъ до властителя грознаго
О чудѣ великомъ дошелъ;
Призвалъ онъ волхвовъ и совѣтниковъ,
Дубраву всю самъ обошелъ;

Поставилъ дозорными воиновъ,
Но тщетно. Въ немъ гнѣвъ закипѣлъ.
Велѣлъ онъ деревья всѣ вырубить,
Съ корнями ихъ вырвать велѣлъ;

Сто плуговъ по мѣсту волшебному
Тройной бороздою прошли,—
Но тайны священной не выдали
Безмолвныя нѣдра земли.

Ушелъ, обезумѣвъ отъ ярости,
Въ свой пышный дворецъ фараонъ
И дѣву Тифону могучему
Обрекъ на закланіе онъ...

. . . . . .

* * *

А годы за годами ровною,
Спокойной чредою текли,
И крѣпли, какъ дубы могучіе,
Безсмертныя „дѣти земли“.

Росла эта сила великая;
Великій удѣлъ ее ждалъ...
Наполнилась чаша завѣтная,—
И часъ ей урочный насталъ:

Надъ бурными чермными волнами,
Зловѣщъ, оглушителенъ, дикъ,
Раздался въ тревогѣ, въ смятеніи
Безумный, отчаянный крикъ:

„...Мы гибнемъ!... Зачѣмъ ты явился къ намъ?!...
Иль мало въ Египтѣ гробовъ
Для бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ,
Для темныхъ, забытыхъ рабовъ?!...

„Веди насъ обратно!... Не надо намъ
Свободы кровавой твоей!...
Обратно!... Обратно!... Спасайтеся!...
Спасайтесь!... Бѣгите... Скорѣй!...

И въ эту минуту явилися
Безсмертныя „дѣти земли“;
Могучей, несмѣтною ратію
Они къ бѣглецамъ притекли.

Ихъ очи сверкали отвагою;
Ихъ голосъ побѣдой звучалъ:
„—Кто палъ предъ постыднымъ отчаяньемъ?!...
Кто къ бѣгству позорному звалъ?!...

„Впередъ!...“ — Словно громомъ ударило
Надъ мрачной пучиною водъ;
И двинулся съ силой воскресшею
Къ отхлынувшимъ волнамъ народъ.

Вождь грянулъ побѣдную пѣснею,
И хоръ ему вторилъ вдали,—
То пѣли могучія, славныя,
Безсмертныя дѣти земли“...

Гаманъ.

Midrasch-Rabo, Esther, cap. IX.

I.

Въ блестящемъ чертогѣ, за пышнымъ столомъ
Пируетъ съ друзьями Гаманъ...
Бокалы кипятъ искрометнымъ виномъ,
Душистыя яства дымятся кругомъ;
Со звуками цитры тимпанъ
Сливаетъ гремучіе звуки свои,
И бубны, имъ вторя, звучатъ, —
То жемчугомъ крупнымъ забрызжутъ они,
То струйкой рѣчной зазвенятъ...
И въ зыбкихъ гирляндахъ цвѣтущихъ растеній
Клубятся струи ароматныхъ куреній.

Безпеченъ и веселъ пирующихъ видъ,
Но грустенъ Гаманъ... Передъ нимъ
Бокалъ золотой недопитымъ стоитъ...
И съ грустью друзьямъ онъ своимъ говоритъ,
Тревожною думой томимъ:
„Друзья мои! Счастливъ мой въ жизни удѣлъ,
Доволенъ я долей своей:
Все, чѣмъ обладать я донынѣ хотѣлъ—
Все это во власти моей—

Я жаждалъ богатства,—и кто-же со мною
Посмѣетъ теперь состязаться казною?!..

„Я роскоши жаждалъ—достигъ и ужь ей
Не вѣдаю нынѣ границъ:
Нѣтъ въ Мидіи цѣлой палаты моей
Пышнѣе, нѣтъ коней моихъ удалѣй,
Блестящѣй моихъ колесницъ;
Десятки рабовъ ловятъ каждый мой взглядъ—
Покорны желаньямъ моимъ,
Всю сладость, всю глубь утонченныхъ отрадъ
Извѣдалъ я сердцемъ своимъ,—
Весь трепетъ восторга, все счастье земное
Со всѣмъ обаяньемъ, со всей полнотою.

„Я славы хотѣлъ—и я славой богатъ:
Мнѣ сто двадцать семь областей
Обширнаго царства—хвалою гремятъ,
И всюду хвалебные гимны звучатъ,
Богатству и славѣ моей.
Въ совѣтѣ-ли царскомъ, межъ гордыхъ вельможъ,
На шумныхъ-ли царскихъ пирахъ—
Мнѣ честь и почетъ отовсюду... И что-жъ?!—
Когда предо мною во прахъ
Склоняется все,—этотъ жалкій, позорный
Іудей-Мордахай—головой непокорной

И съ вызовомъ дерзкимъ во взорѣ—меня
Встрѣчаетъ у царскихъ хоромъ...
„Склонись!“—закричалъ я ему...—„Для тебя,
Отвѣтилъ онъ гордо, склониться я моя

Спина не съумѣетъ..." Я въ немъ
Невольно опаснаго чую врага...
Мнѣ мнится—надъ счастьемъ моимъ
Незримая чья-то нависла рука...
Я всѣхъ покорилъ, только съ нимъ,
Я чувствую, мнѣ не подъ силу бороться...
Онъ врагъ мнѣ—и врагъ этотъ скоро проснется..."

„—Такъ вотъ что томитъ и печалитъ тебя,
Отвѣтилъ одинъ изъ гостей:
Сказать откровенно—не мало меня
Дивитъ непонятная робость твоя:
Сродни-ль она силѣ твоей?—
Той силѣ, что̀ легкимъ движеньемъ руки
Врага-бъ уничтожить могла!
Той силѣ, что̀ горы сдвигала съ пути,
Лѣса разметала и жгла
И къ счастью доро́гу тебѣ проложила!..
Ужели ничтожна теперь эта сила?..

Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ добрый властитель, казнивъ
Царицу строптивую, вдругъ
Почуялъ къ невиннымъ забавамъ порывъ—
Утраченной юности бурный приливъ,
И сталъ онъ лечить свой недугъ
На дѣвственныхъ ложахъ мидійскихъ юницъ,
Въ объятіяхъ женъ молодыхъ,—
Съ тѣхъ поръ кто сравнится съ тобою? Вѣдь ницъ
Предъ силой желаній твоихъ
Все падаетъ... Что-же предъ волей твоею
Ничтожная, слабая воля іудея?....

Вели—и пусть вырубятъ дубъ вѣковой,
Покрѣпче завяжутъ петлю,
И завтра, когда ты обычной стезей,
Покинувъ на часъ свой чертогъ золотой,
Пойдешь поклониться царю,
Воспользуйся часомъ, въ который—согрѣтъ
Душистымъ кипучимъ виномъ,—
Онъ преображеннымъ увидитъ весь свѣтъ
Въ граненомъ бокалѣ своемъ—
Проси... и твой дубъ онъ едва-ль—полусонный—
Не приметъ за дѣву въ одеждѣ зеленой...“

Довольны совѣтомъ друзья и жена,
Доволенъ имъ также Гаманъ...
И вновь круговая амѳора полна,
И блещетъ лучистая пѣна вина,
И снова гремучій тимпанъ
Съ веселою лютней раскаты свои
Сливаетъ, и бубны гремятъ—
То жемчугомъ крупнымъ забрызжутъ они,
То дробью слегка зазвенятъ.
И синія струйки душистыхъ куреній
Ползутъ по гирляндамъ цвѣтущихъ растеній....

II.

Пиръ конченъ, и гости чредой разошлись,
И снова, объятый тоской,
Печаленъ Гаманъ,—думы вновь поднялись
И къ сердцу кипучей волной полились...
Исполненный злобы нѣмой,
Онъ ждетъ въ нетерпѣньи, покуда кругомъ
Въ столицѣ все крѣпко уснетъ,
Тогда со слугами своими тайкомъ
Онъ въ дальнюю рощу пойдетъ
И... „завтра—онъ мыслитъ:—презрѣнный бродяга!
Узнаешь ты силу потомка Агага!..“

***

Подъ луннымъ сіяніемъ лѣсъ великанъ,
Объятый дремотой, стоялъ,
Когда изъ за сѣтки зеленыхъ ліанъ
Вдали показался съ рабами Гаманъ...
И съ неба въ тотъ мигъ зазвучалъ
Торжественно-властный, таинственный гласъ,
Какъ гулъ отдаленныхъ морей:

„Деревья!—вѣщалъ онъ—какое изъ васъ
Послужитъ для мести моей?...
Могила, что́ грѣшникъ безгрѣшному роетъ,
Его самаго пусть на-вѣки сокроетъ!...“

Лѣсъ вздрогнулъ... Проснулись объятыя сномъ
Деревья... Кипучей волной
Гроза набѣжала... Въ безмолвьи ночномъ
Послышались стоны глухіе кругомъ...
Но скоро сквозь грохотъ и вой
Раздались отдѣльные звуки... слова...
И внятною рѣчью людской
Кругомъ зазвучала нѣмая листва —
Исполнена силы живой.....
. . . . . .
. . . . . .

Акація.

„...Въ тихія ночи, когда подъ дыханіемъ
Свѣжей, душистой, цвѣтущей весны
Спитъ наша роща—облита сіяніемъ
Блѣдно-сребристой луны—

Вижу Аравіи степи горючія,
Вижу равнины сыпучихъ песковъ,
Темныхъ оазисовъ дебри дремучія...
Слышу тамъ стукъ топоровъ.

Падаютъ съ трескомъ деревья тяжелыя,—
Пилы ихъ рѣжутъ, терзаетъ ихъ стругъ...
Живо спорится работа веселая
Силою тысячи рукъ...

Быстро съ акаціи вѣтви срываютъ,
Стволъ разсѣкаетъ на части топоръ,—
Доски—къ доскамъ... и ростетъ—выростаетъ
Чудный, завѣтный шатеръ...

Внемля изъ тучи святому глаголу,
Пѣсню свободы Израиль поетъ,—
Съ теплой молитвой склоняется долу,
Съ вѣрой горячей встаетъ...

Господи! Избрана волей твоею—
Въ жертву тогда принесла я себя...
Пусть-же теперь на возмездье злодѣю
Буду назначена я..."

Миртъ, Верба и Райская Яблонь.

Мы мирно росли на брегахъ Іордана,
Межъ кедровъ родного Ливана...
Но разъ къ намъ сіонскія дѣвы пришли,
Сорвали по вѣткѣ и взяли съ собою
И съ пѣснями, шумной, веселой толпою
Исчезли вдали...
Намъ жаль было нашихъ вѣтвей,
Какъ жаль матерямъ ихъ погибшихъ дѣтей...
Но скоро дошла къ намъ отрадная вѣсть,
Что вѣточки наши въ нежданную честь,
Въ почетъ безпримѣрный попали:
Былъ праздникъ... Толпой переполненъ былъ храмъ...
Струился душистый кругомъ фиміамъ...
Въ дыму его люстры сверкали,

Бросая снопы золотистыхъ лучей
На фрески, колонны и лица людей...
Вдали коганиды стояли,
Толпой окруживъ алтари,
И, благословляя народъ, подымали
Въ рукахъ наши вѣтки они....

О, Господи! Избраны волей Твоею
Мы были тогда изъ всей рощи родной,—
Возьми-же теперь насъ на гибель злодѣю...
Возьми насъ, Владыко Святой!...

Кедры.

Украшены дивной рѣзьбою,
Обвиты гирляндой цвѣтовъ золотыхъ,
У входа во храмъ мы стояли толпою...

Кипарисъ.

Я дерево далъ для воротъ храмовыхъ...

Маслина.

Меня для Давира назначилъ ты, Боже!...

Кедры.

Насъ—тоже...Насъ—тоже!..

Хоръ деревьевъ.

Праведенъ судъ Твой,
Владыко вселенной!...
Всѣ мы готовы
Служить!...

У просѣки лѣса увядшій, сухой,
Недвижимо тополь стоялъ,
Чуть слышно шурша пожелтѣвшей листвой.
Паукъ его вѣтви сухія сѣдой,
Дрожащею сѣткой заткалъ.
Язвительныхъ терній вкругъ старыхъ корней
Обильно кусты разрослись...
И отблескъ зари, и сіянье лучей,
И синяя звѣздная высь—
Все это напрасно ласкало, будило,
Напрасно о жизни ему говорило...

Но въ эту минуту проснулся и онъ...
Торжественный голосъ небесъ
Согналъ его долгій, томительный сонъ,—
И отзвукъ, протяжный, глубокій какъ стонъ,
Потрясъ взволновашійся лѣсъ...
Все тише и тише гроза. Все слабѣй
И бури неистовый ревъ,
Мѣрнѣй трепетанье и ропотъ вѣтвей
Метавшихся съ шумомъ деревъ.
И все притаилось кругомъ—словно дремлетъ—
И голосу мертваго тополя внемлетъ....

Тополь.

Была пора — мой гордый станъ
Побѣги дѣвственныхъ ліанъ
Живой гирляндой обвивали;
Орелъ съ подругою своей
Въ густой тѣни моихъ вѣтвей
Гнѣздо надежное свивали.

Гроза ревѣла надо мной..
Кругомъ въ лѣсу и стонъ, и вой...
Но не ломался стволъ мой твердый;
Подъ бурей смѣло я стоялъ
И смѣло, громко посылалъ
Я бурѣ дикой вызовъ гордый...

Пришла пора — и близь корней
Моихъ завелся рой червей;
Крапива жгучею листвою
Обильно разрослась кругомъ,
И я въ безсильи роковомъ
Поникъ уныло головою,

Уснулъ... увялъ... И видѣлъ я...
Усталый путникъ, возведя
Съ мольбой горячей къ небу очи,
Едва плетется по пути,
Покрытомъ терніемъ... Ни зги
Не видно въ мракѣ темной ночи...

Кругомъ гроза гудитъ, ревetъ...
Грохочетъ громъ... А онъ идетъ...
Идетъ... Въ кровавыхъ язвахъ ноги...
Изъ подъ терноваго вѣнца
Струится кровь... И нѣтъ конца,
И нѣтъ границъ его дорогѣ...

Гроза и тьма... А тамъ вдали
Горятъ веселые огни,

Кипитъ, какъ море, праздникъ шумный...
Своихъ губительныхъ затѣй
Побѣду празднуетъ злодѣй
Въ разгарѣ оргіи безумной...

Я вижу... Но лишь часъ пройдетъ,
И смерть на-вѣки обойметъ
Меня—и я усну глубоко...
И вѣтеръ бурною порой
Сорветъ листокъ послѣдній мой
И унесетъ его далеко...

Господь! Внемли мольбѣ моей:
Пусть нынѣ, волею Твоей,
Злодѣя смерть соединится
Съ моею!..."

И—могучъ, какъ громъ—
Съ небесъ, въ безмолвіи ночномъ,
Раздался голосъ: „Да свершится!...."

ПЕРЕВОДЫ

Изгнанники.

(Съ древне-еврейскаго).

— Что спасла ты отъ богатства,
Раззореннаго врагами
Въ день, когда Господня кара
Пронеслась надъ нами?

„О, супругъ мой! Въ день ужасный
Изъ всего, чѣмъ я владѣла,
Шелкъ, парчу, ковры и бархатъ
Я спасти успѣла...“

— Шелкъ, парча, ковры и бархатъ...
Ими-ль будешь ты богата?
Брось въ огонь парчу златую,
Бархатъ — въ глубь Евфрата...

— Дочь моя! Въ огнѣ, въ обломкахъ
Наша родина святая...
Чѣмъ-же ты ее вспомянешь
Средь чужаго края?...“

„Бѣлыхъ лилій — изъ долины
Подъ Кармельскою горою —
Въ память родины погибшей,
Я взяла съ собою.“

— Бѣлыхъ лилій изъ долины
Подъ Кармельскою горою...
Не цвѣсти имъ, не умыться
Свѣжею росою,

На лугахъ чужбины мрачной
Крупнымъ жемчугомъ играя
Въ блескѣ розоваго утра...
Брось ихъ, брось, родная!

— Ты, мой сынъ, что взялъ съ собою
Противъ дикой вражьей силы?...
„Мечъ и заступъ: мечъ — для битвы,
Заступъ — для могилы...“

— Не мечи нужны намъ, сынъ мой!
Наша сила и спасенье
Не въ желѣзѣ — жалкой жертвѣ
Ржавчины и тлѣнья...

Для защиты отъ гоненья,
Для борьбы со зломъ и ложью
Я иное спасъ оружье —
Спасъ я слово Божье.

Не слабѣетъ, не ржавѣетъ
И не вянетъ это слово —
Вѣчно живо, вѣчно юно,
Вѣчно, вѣчно ново!...“

Послѣдній раздѣлъ.

(Съ нѣмецкаго *).

„—Подойди, моя родная,—
Близокъ часъ прощальный мой...
Я послѣднее богатство
Раздѣлить хочу съ тобой.

„Ты всегда со мной дѣлила
Все, что жизнь давала намъ,—
Такъ подѣлимся-жъ послѣднимъ
Достояньемъ пополамъ...“

Такъ женѣ, съ любовью глядя
На ея печальный ликъ,
Говорилъ съ улыбкой грустной
Умирающій старикъ.

И — зашитый въ платьѣ — вынулъ
Онъ мѣшечекъ небольшой...
„—Вотъ...“ и бережно оттуда
Слабой, блѣдною рукой

Высыпаетъ онъ... И слезы
Тихо, тихо потекли...
„—Вотъ... сокровище... родная...
Съ береговъ родной земли...

*) Bernhard Löwenstein, «Jüdische Klänge».

„Въ годы юности — тоскою
Безъисходною объятъ —
Посѣтилъ я край, гдѣ кости
Нашихъ праотцевъ лежатъ.

„Посѣтилъ я градъ завѣтный,
Гдѣ Давидовъ тронъ стоялъ,
Гдѣ могуществомъ и блескомъ
Соломоновъ храмъ сіялъ...

„Но лежалъ передо мною
Весь въ развалинахъ Сіонъ,
И царили разрушенье,
Мракъ и смерть со всѣхъ сторонъ.

„И, рыдая, предъ родными
Я гробницами упалъ.
И, какъ розъ благоуханье,
Запахъ тлѣнья я вдыхалъ.

„Видѣлъ берегъ Іордана,
Гдѣ падменный Наамонъ
Былъ Элишей чудотворно
Отъ недуга исцѣленъ...

„Видѣлъ старую гробницу,
Гдѣ лежитъ Рахили прахъ...
Видѣлъ цѣпи горъ Хермонскихъ,
Видѣлъ кедры на горахъ...

„Но насталъ и часъ разлуки...
Какъ мучительно въ груди
Сердце сжалось!... Изнывала
Грудь отъ боли и тоски...

„Здѣсь меня родные ждали...
Связанъ клятвою святой —
Долженъ былъ я возвратиться
Въ безпривѣтный край родной...

„Долго, долго я томился...
Но послѣдній часъ насталъ, —
И — любви залогомъ вѣчнымъ —
Горсть земли съ собой я взялъ...

„Чудной силой обладаетъ
Этотъ прахъ: кто подъ собой
Положилъ его, тотъ сладко
Спитъ подъ плитой гробовой...

„Такъ подѣлимся-же послѣднимъ
Достояньемъ пополамъ...
Ты всегда со мной дѣлила
Все, что жизнь давала намъ...

„Вотъ — тебѣ... возьми... а это
Я теперь возьму съ собой...“
И съ усиліемъ послѣднимъ
Раздѣлилъ онъ прахъ святой

Чудо любви.

(Съ испанскаго)

Любовь зажгла огонь въ груди моей больной,
Изъ глазъ ручьями слезы наточила
И двѣ враждебныя стихіи межъ собой
Она во мнѣ волшебно примирила:

Напрасно льются слезы изъ очей,
Горитъ огонь въ груди кипучей —
Слезѣ не потушить огня въ груди моей,
Не высушить огню слезы моей горючей...

Изъ Рихарда Леандера.

Оттого-ль небеса такъ лазурны весной,
Что съ высотъ на цвѣтущую землю глядятъ?
Иль весной оттого расцвѣтаетъ земля,
Что надъ нею лазурные своды висятъ?—

Оттого-ли, что ты такъ прекрасна, дитя,
Я тебя безгранично, безумно люблю?
Иль свѣжа и прекрасна ты такъ оттого,
Что проникла любовь моя въ душу твою?

Изъ Юстинуса Кернера.

Въ старинномъ, забытомъ соборѣ
Два гроба хранятся. Въ одномъ
Спитъ Отмаръ — король величавый,
Останки поэта — въ другомъ.

Король этотъ нѣкогда гордо
Сидѣлъ на престолѣ своемъ...
Въ рукахъ его мечъ закаленный,
И блещетъ корона на немъ.

И рядомъ съ властителемъ гордымъ
Пѣвецъ, позабытый, лежитъ;
Безмолвно въ рукѣ своей блѣдной
Онъ мирную арфу хранитъ.

Враги наступаютъ, — и стонетъ,
И гибнетъ родная земля,
Но мечъ остается недвижно
Въ безсильной рукѣ короля.

Луга и поля расцвѣтаютъ,
Хоръ птичекъ весеннихъ звучитъ, —
И арфа изъ гроба поэта
Отзывною пѣсней звенитъ.

Изъ Фридриха Рюккерта.

Чтобъ разомъ въ сердцѣ человѣка
Задѣлъ всѣ струны голосъ твой,
Не о любви, не о весельи,
О скорби пой, о горѣ пой:

Немного тѣхъ, кто радость вѣдалъ,
Кто солнцемъ счастья былъ согрѣтъ,
И нѣтъ души безъ скорби тайной,
Безъ горя сердца въ мірѣ нѣтъ.

Изъ Роберта Рейникъ.

Что чувствуетъ земля, когда весною —
Полна воскресшихъ силъ — она проснется?
Что чувствуетъ ручей, когда на волю
Сквозь дебри темныя прорвется?

Что чувствуетъ цвѣтокъ, когда на-утро
Онъ чашечку раскроетъ подъ лучами?
А дѣвушка, когда любовь почуетъ,
Съ ея весельемъ и слезами?

Я спрашивалъ у розы, у потока
И у земли я спрашивалъ объ этомъ;
Но всѣ мнѣ только тихо улыбнулись, —
И это было ихъ отвѣтомъ.

И къ милой, наконецъ, я обратился:
Она всегда отвѣтъ даетъ разумно, —
И что-жъ? — Не говоря ни слова, стала
Она лобзать меня безумно...

Слезинка на щекахъ ея дрожала
И милый, кроткій взоръ былъ полонъ свѣта...
И я тогда стоялъ, смотрѣлъ и думалъ:
Прекрасно, но — отвѣтъ-ли это?...

Видѣніе Саула.

(Изъ поэмы «Давидъ и Михалъ» Л. О. Гордона).

...Глубокій, топкій долъ онъ видитъ предъ собою.
Тамъ чудомъ свѣтъ дневной слился съ ночною мглою...
Сплетались терніи съ цвѣтами... Въ полумглѣ
Тамъ робко ползаютъ голубки по землѣ,
А змѣи носятся крылатою толпою...
Чудовищами долъ таинственный кишитъ...
Все это движется, хохочетъ и шипитъ...
У каждаго языкъ торчитъ стрѣлою гибкой,
Уста змѣятся нѣжною улыбкой...

Онъ видитъ: озаренъ сіяньемъ золотымъ —
Вдали цвѣтущій садъ... Лазурный сводъ надъ нимъ
Раздался широко и блещетъ, и алѣетъ;
И духи свѣтлые надъ садомъ тихо рѣютъ...
И слышится ему призывный гласъ:
„Приди,
Приди сюда, измученный въ пути!...
Здѣсь скоро отдохнешь усталою душою...
Спѣши сюда къ блаженству и покою!...“

— Что значитъ это все?... Тамъ тишина и свѣтъ,
А здѣсь хаосъ и мракъ...“ И слышитъ онъ въ отвѣтъ:
„Здѣсь властны смерть и адъ, царятъ здѣсь прахъ и тлѣнье,
Тамъ — рая свѣтлыя, священныя селенья!...“

Онъ къ саду бросился... Но вдругъ — раздался громъ...
И вздрогнула подъ нимъ земля... и все кругомъ
Слилось въ одинъ хаосъ... и бездна роковая,
Отверзла пасть свою, у ногъ его зіяя...
И съ шумомъ мертвецы бѣлѣющей толпой
Явились передъ нимъ изъ пасти роковой...
Ужасенъ былъ ихъ взоръ, въ устахъ гнѣздилось тлѣнье,
Стучала кость о кость при каждомъ ихъ движеньи...
Десятки этихъ рукъ, изъѣденныхъ червями,
Коснулися его... Онъ весь дрожалъ... Мѣстами
Чернѣла кровь на ихъ одеждахъ... Впереди
Былъ старецъ въ бѣлой ризѣ... На пути
Сплоченною толпой они стояли
И садъ таинственный отъ глазъ его скрывали...
„—О, кто ты, кто ты, тѣнь?...“ „ — Я — Ахимелехъ...“ —
Боже!...
А вы?...“ „Священники Нивіи!...“ былъ отвѣтъ...

ПОЭМЫ

Рабби-Амнонъ.

Синагогальное преданіе *).

(Посвящается моей матери).

I.

Не золотомъ былъ рабби-Амнонъ богатъ,
Не тлѣннымъ величіемъ пышныхъ палатъ,
Исполненныхъ блеска и шума, —
Инымъ рабби-Амнонъ богатствомъ владѣлъ:
Въ умѣ его пламень волшебный горѣлъ,
Кипѣла могучая дума.

И старца сѣдого укромный порогъ
Подъ легкою поступью княжескихъ ногъ
Нерѣдко слегка содрогался,
Когда къ старику за совѣтомъ порой,
Сокрытый отъ взоровъ полночною мглой,
Вельможа придворный являлся...

---

*) Рабби-Амнонъ жилъ въ XIII столѣтіи, въ г. Майнцѣ, въ курфиршествѣ Гессенскомъ.

И рядомъ со старцемъ на жесткой скамьѣ,
Предъ тусклой лучиной, мерцавшей во тьмѣ,
Сидѣлъ этоть князь, восхищенный
Убогаго старца могучимъ умомъ...
И бодро, и весело, шелъ онъ потомъ
Обратно въ чертогъ золоченый.

Но въ тотъ безмятежный, полуночный часъ,
Когда кружева, и батистъ, и атласъ,
Тихонько шурша, укрывали
Счастливаго князя, объятаго сномъ,—
Въ далекой лачужкѣ, надъ бѣднымъ столомъ,
Живою толпою витали,

Огнемъ проникая взволнованный умъ,
Крылатые хоры недремлющихъ думъ;
Какъ море, душа волновалась...
Надъ книгой, раскрытой предъ нимъ на столѣ,
Сидѣлъ рабби-Амнонъ... На свѣтломъ челѣ
За думою дума являлась...

***

А годы катились обычной чредой,
Какъ въ тихія ночи, цвѣтущей весной,
Спокойныя майнскія волны...
Исполненъ былъ славою гессенскій тронъ,
И были богатствомъ отъ старыхъ временъ
Хранилища царскія полны.

И сыпались щедро изъ царственныхъ рукъ
Дары и награды на голову слугъ,
Сатраповъ и знати придворной;
Но болѣе всѣхъ властелиномъ любимъ
Былъ юный совѣтникъ, отмѣченный имъ
Хвалою и лаской отборной.

Случалось, порою надъ царской главой,
Заботы иль страха тяжелой толпой
Нависнутъ угрюмыя тучи:
Измѣны-ли тайной замѣтитъ онъ слѣдъ,
Иль съ явной угрозой державный сосѣдъ,
Богатствомъ и силой могучій,

Къ нему обратится, — всегда и вездѣ,
Во всякой заботѣ, во всякой нуждѣ,
Съ удачнымъ, разумнымъ совѣтомъ
Являлся покорно тотъ князь молодой, —
И вмигъ засіяетъ надъ царской главой
Надежда спасительнымъ свѣтомъ.

Дивились вельможи сѣдые ему —
Дивились познаньямъ его и уму,
И черной змѣей шевелилась
Голодная зависть въ душѣ ихъ порой...
Но тщетно — спокойной все шло чередой,
А тайна нежданно открылась:

***

Пируетъ курфирстъ... Длиннымъ рядомъ сидитъ
За пышной трапезой придворный синклитъ
По строгому древнему чину:
Чьи очи тусклѣе, сѣдѣй борода
И врѣзалась глубже морщинъ борозда,
Тотъ ближе сидитъ къ властелину.

И свято всегда соблюдается чинъ...
Но что-жъ это? — Рядомъ съ курфирстомъ — одинъ...
Златистыми кольцами вьются
Шелковыя кудри, румянецъ горитъ
На свѣжихъ ланитахъ... Съ привѣтомъ глядитъ
Курфирстъ на него... Раздаются

Хвалебные тосты и гимны звучатъ
Во славу его средь роскошныхъ палатъ...
Кто-жъ юноша этотъ отмѣнный?
— То царскій любимецъ, то князь молодой,
Совѣтникъ, увѣнчанный громкой хвалой,
И трона слуга неизмѣнный.

Пируетъ курфирстъ, — и весельемъ полна
Толпа царедворцевъ, шумна и хмѣльна,
Съ бесѣдою пѣсни мѣшаетъ;
Одинъ лишь межъ ними — печаленъ, угрюмъ —
Объятый толпою таинственныхъ думъ,
На пиръ безъ участья взираетъ.

То царскій любимецъ, то князь молодой,
Увѣнчанный славой и громкой хвалой...
И молвитъ курфирстъ удивленный:

— „Скажи мнѣ, о другъ мой, не скрой отъ меня,
Какая тревожитъ забота тебя?
Я вижу твой взоръ омраченный....

„Обиду-ль понесъ ты для чести своей,
Иль, можетъ быть, другъ мой, наградой моей
И ласкою ты недоволенъ?
Но святы вѣдь мнѣ всѣ желанья твои,—
Богатства-ли, власти-ли хочешь — проси, —
Исполню, ты въ выборѣ воленъ..."

— „Доволенъ, курфирстъ, я наградой твоей,
Доволенъ богатствомъ и славой своей —
Отвѣтилъ совѣтникъ съ поклономъ;—
И нынѣ желаю, какъ прежде желалъ,
Чтобъ геній побѣды и славы витал
Во-вѣки надъ гессенскимъ тономъ!..

„И слава тебѣ не чужда, государь!
Ты съ честью корону ту носишь, что встарь
Могучихъ и славныхъ вѣнчала;
Я-жъ славенъ былъ тѣмъ, что совѣтамъ моимъ
Внималъ ты и вѣрилъ, и слѣдовалъ имъ...
Узнай-же, что тайна скрывала

„Тотъ чудный источникъ, откуда черпалъ
Я разумъ и опытъ... Не я орошалъ
И выростилъ ниву святую,
Съ которой понынѣ срывалъ я плоды,—
Носилъ я къ тебѣ лишь чужіе труды
И бралъ себѣ славу чужую...

„Прости, государь, и признанью внемли:
Есть въ Майнцѣ старикъ рабби-Амнонъ... Вдали
Отъ блеска и шума столицы,
Отъ власти и славы, и громкихъ затѣй,
Безвѣстный, въ лачужкѣ убогой своей,
Но вольный, какъ Божіи птицы,

„Могучей, глубокой и свѣтлой душой, —
Спокойно живетъ этотъ старецъ сѣдой...
То онъ лучезарной звѣздою
Къ побѣдамъ и славѣ твой путь освѣщалъ.
Чужимъ, государь, я умомъ промышлялъ,
Я славенъ былъ славой чужою!...

„Въ безмолвьи ночей я его посѣщалъ,
И чуднымъ огнемъ онъ мой умъ озарялъ;
Я мудрымъ и славнымъ сталъ равенъ;
Но нѣтъ мнѣ покою въ величьи моемъ!
Чужимъ, государь, я богатъ былъ умомъ,
Чужою былъ славою славенъ

„Любимецъ твой, сынъ ослѣпленной молвы!...
Сорви-жъ, государь, съ недостойной главы
Вѣнокъ, незаслуженный мною!
Пусть ту онъ главу украшаетъ собой,
Чей умъ озарялъ незакатной звѣздой
Донынѣ твой путь предъ тобою!...“

Умолкъ, и настала кругомъ тишина,
Какъ будто въ объятья волшебнаго сна
Пирующихъ сонмъ погрузился...

И герцога голосъ звучитъ въ тишинѣ:
„Такъ вотъ кто былъ мудрымъ совѣтникомъ мнѣ,
Вотъ кѣмъ я доселѣ гордился!...

„Отверженный, нищій, презрѣнный еврей!...
Пусть прежнюю славу короны моей
И кроетъ онъ славою новой,—
Но мнѣ-ли, носящему крестъ на груди,
Мнѣ-ль вслѣдъ за презрѣннымъ евреемъ идти,
Обрызганнымъ кровью Христовой!...

„Читалъ-ли ты повѣсть минувшихъ временъ?
Нуждался-ль въ могуществѣ гессенскій тронъ,
Нуждалась-ли въ блескѣ корона,
Когда моихъ предковъ побѣдная рать
Лишь новою славой могла покрывать
Покрытыя славой знамена?...

„Кто-жъ, князь, былъ совѣтникомъ предковъ моихъ,
Въ правленіи мирномъ и въ сѣчахъ лихихъ,
Къ успѣхамъ ихъ путь направляя?
Еврей-ли? Не тотъ-ли ничтожный еврей,
Котораго псами, какъ дикихъ звѣрей,
Травили они, проливая

Его ядовитую, черную кровь
Во имя Того, Кто за честь и любовь
Былъ имъ обреченъ на закланье?...
Такъ мнѣ-ль, ихъ потомку, съ Христовымъ врагомъ
Сѣсть чуть-ли не рядомъ на тронѣ моемъ!...
Что скажешь мнѣ, князь, въ оправданье?...“

„Позволь, государь...“, началъ князь молодой,
Но вдругъ отъ толпы отдѣлился сѣдой,
Высокій, со взоромъ суровымъ,
Покрытый священной одеждой, старикъ
И молвилъ: „Твой гнѣвъ, государь мой, великъ —
Моимъ не побрезгай ты словомъ.

„Я съ ужасомъ князя признанью внималъ,—
Онъ смолкъ, и съ тревогой и трепетомъ ждалъ,
Курфирстъ, твоего я отвѣта;
Но молвилъ ты мощное слово свое —
И радость наполнила сердце мое,
И взоръ мой исполнился свѣта:

„Не внялъ ты лукавымъ, безумнымъ рѣчамъ —
Душа твоя къ лютымъ Христовымъ врагамъ
Пылаетъ завѣтной враждою...
Хвала тебѣ, слава и честь, государь!
Твой тронъ величавый, какъ Божій алтарь,
Небесной сіяетъ красою!...

„Обиленъ богатствомъ и славой нашъ край...
Но... если я рѣчью не въ тягость — то дай
Открыть все, что въ сердцѣ таится...
Сосудъ, государь, предъ тобою стоитъ,
Обрызганъ онъ грязью и кровью облитъ;
Повсюду въ немъ тлѣнье гнѣздится:

„Покрытъ онъ кругомъ паутиной сѣдой,
И въ ней пауковъ отвратительный рой...
Но въ этомъ сосудѣ ужасномъ,

Подъ грязью и тлѣньемъ, сокрытый отъ глазъ,
Хранится чудесный, безцѣнный алмазъ...
Чтобъ этимъ алмазомъ прекраснымъ

„Тебѣ овладѣть—небольшой нуженъ трудъ:
Ударь—и въ куски разобьется сосудъ
И ты овладѣешь алмазомъ;
Но если сосудъ и алмазъ дорогой
Такъ тѣсно и крѣпко срослись межъ собой,
Что если ударить, то разомъ

„И тотъ и другой пропадутъ навсегда—
Что сталъ, государь, ты бы дѣлать тогда?..
Ужели оставить затѣю,
Когда тутъ нужны лишь терпѣнье да трудъ:
Сначала обмыть хорошенько сосудъ,
Почистить—и, рукъ не жалѣя,

„Тихонько открыть... и—изволь безъ труда
Алмазомъ своимъ любоваться тогда...
Ты съ рѣчью моей-ли согласенъ?
Коль да, такъ позволь, государь, мнѣ сказать:
Напрасно ты князя хотѣлъ покарать,—
Твой гнѣвъ былъ великъ, но напрасенъ:

„Онъ мнимымъ донынѣ совѣтникомъ былъ,
Обманомъ и ложью онъ мудрымъ прослылъ,
Но ждать онъ прощенія въ правѣ:
Онъ былъ тебѣ вѣренъ въ единственный разъ—
На чудный тебѣ указалъ онъ алмазъ,
Хоть въ мерзкой и грязной оправѣ...

„Отверженный, проклятый Богомъ еврей“—
Что можетъ быть хуже, подлѣе, грязнѣй,
Достойнѣй хулы и презрѣнья!
Но если прельщаетъ умомъ онъ тебя—
Изволь, государь, для него у меня
Прекрасное есть очищенье...“

И быстрая дрожь прозмѣилась слегка
По блѣднымъ, суровымъ губамъ старика...
И снова янтарныя вина
Въ тяжелыхъ серебряныхъ чашахъ кипятъ,
И шумно и весело пѣсни звучатъ
Во славу и честь властелина.

***

Ужъ полымемъ пурпурнымъ день догоралъ;
И горнія рощи, и очерки скалъ,
Облитые блескомъ прощальнымъ
Душистаго, свѣжаго лѣтняго дня,
Казалось, тонули въ потокахъ огня,
Разлитыхъ надъ Майномъ зеркальнымъ.

А пиръ все кипѣлъ... Веселѣй и хмѣльнѣй
Звучали и пѣсни, и говоръ гостей...
Лишь двое безмолвно сидѣли...
На лица печать нетерпѣнья легла,
И оба тревожно на дверь, что вела
Въ трапезную залу, смотрѣли...

То были монахъ и совѣтникъ: приказъ
Былъ отданъ курфирстомъ, чтобъ въ замокъ тотчасъ
Старикъ вдохновенный явился...
И скоро, лишь только за дальней горой
Исчезла денница, и сводъ голубой
Прозрачною дымкой покрылся,

Шли въ замокъ два стража и съ ними старикъ...
Тревоженъ былъ взоръ его, блѣденъ былъ ликъ,
Костлявыя руки дрожали,
Холодными каплями выступилъ потъ,
И очи со страхомъ глядѣли впередъ,
Гдѣ говоръ и пѣсни звучали...
. . . . . .
. . . . . .

II.

Ужъ полночь настала,—и въ Майнцѣ кругомъ
Все было объято покоемъ и сномъ,
Когда изъ дворца одиноко
И медленно шелъ рабби-Амнонъ... Предъ нимъ,
Въ туманѣ прозрачномъ, сіяньемъ златымъ
Облитый, привольно, широко

Катился въ брегахъ зеленѣющихъ Майнъ.
Исполнены чудныхъ, чарующихъ тайнъ,
Полночныя звѣзды качались
На стройныхъ изгибахъ уснувшихъ валовъ;
Дрожащія тѣни прибрежныхъ кустовъ
Узоромъ прозрачнымъ сплетались

На лонѣ зеркальномъ уснувшей рѣки...
Все спало кругомъ... Лишь гибки и легки
Въ движеніяхъ гордыхъ и смѣлыхъ,
Сребристыми брызгами сыпля кругомъ
На ивы и вербы, объятыя сномъ,—
Купались два лебедя бѣлыхъ.

А вотъ и пріютъ его видѣнъ во мглѣ...
Онъ входитъ... Все тихо... Свѣча на столѣ,
При книгѣ раскрытой мерцаетъ—
Онъ сѣлъ—и блестящимъ снопомъ отъ свѣчи
На кудри сѣдыя упали лучи...
Онъ тихо свѣчу придвигаетъ...

Блуждающій взоръ на страницу упалъ...
Взглянулъ онъ... и вдругъ—поблѣднѣлъ, задрожалъ
И съ крикомъ, съ отчаяннымъ крикомъ
Отпрянулъ отъ книги... И очи зажглись,
И съ устъ посинѣлыхъ слова полились
Въ потокѣ порывисто-дикомъ:

„...Три дня... на раздумье... потомъ... изъ груди
Кровавое вырѣжутъ сердце они...
Окурятъ... омоютъ... Кто-жъ стонетъ,
Кто плачетъ тамъ?!... Слышите-ль грохотъ и вой?!...
То демоны черной собрались толпой
И Амнона сердце хоронятъ!...

„Вы слышите-ль... Гимнъ погребальный поютъ...
И гробъ золоченный толпою несутъ...
Рыдаютъ... Хохочутъ... Зарыли...
Могила,—и крестъ на могилѣ стоитъ..
Въ ней Амнона совѣсть убитая спитъ...
Въ ней сердце его схоронили!...

„Постойте!... Хочу попрощаться я съ нимъ...
Хочу попрощаться я съ сердцемъ своимъ...
Взгляните... проснулось... проснулось...

*

Будь проклято сердце, въ которомъ впервой,
Въ завѣтной обители вѣры святой,
Сомнѣнье змѣей шевельнулось...

„Умри! Ты не вѣрило!... Вѣрнымъ бойцомъ
Я слалъ тебя въ битву съ презрѣннымъ рабомъ,—
Ты вѣрѣ, какъ рабъ, измѣнило...
Не гимнъ погребальный, а пѣсни поютъ...
Не гробъ, а алтарь золоченный несутъ...
Ты новаго бога купило!...

„Все рухнуло!... Пламенемъ адскимъ земля
Горитъ подо мной, а съ небесъ на меня
Такъ холодомъ вѣетъ!.. Взгляните...
Кровавыя волны... дымятся... и въ нихъ
Два лебедя... черныхъ... Вы видите-ль ихъ?...
Купаются... тонутъ!... Спасите!

„Спасите!.. То вѣра, то совѣсть моя!...
Скорѣе!... Ужь волны, ревя и кипя,
У ногъ моихъ плещутъ, клокочутъ...
Но... что это?... Слышу: „Ты самъ погубилъ...
Своей же рукою ты ихъ утопилъ...
Ты самъ...“ И ликуютъ... хохочутъ!...

„Нѣтъ... нѣтъ!... Я спасу ихъ!.. Я кровью своей
Съ нихъ смою ихъ кровь!... Пусть рѣкой изъ очей
Текутъ мои слезы... И снова
Зажжется въ душѣ моей пламень святой...
И снова... и снова, какъ прежде, я—Твой,
Великій, могучій Егова!...“

И, точно орелъ, со скалы на скалу,
Могучимъ порывомъ онъ прянулъ къ столу;
Дрожащія, блѣдныя руки
Схватили и быстро прижали къ груди
Завѣтную книгу... И столько любви,
Восторга, моленья и муки

Сказалось въ его просвѣтлѣвшихъ очахъ
И въ трепетѣ легкомъ на блѣдныхъ устахъ!
„Я—Твой, Всемогущій Егова!
Я—Твой!... Отворите святыя врата...
Войду, и да хвалятъ во вѣки уста
Вселенной Владыку Святого!...“

. . . . . .
. . . . . .

III.

Ужь трижды предъ ясной, румяной зарей
Бѣжали дрожащей, пугливой толпой
И таяли тѣни ночныя;
Ужь трижды въ сіяньи лазурнаго дня,
Блѣднѣла и гасла на небѣ заря...
Минули три дня роковые,

Три дня и три ночи чредою ушли,
Ушли безвозвратно... Ужасные дни,
Мучительно-страшныя ночи
Провелъ истомленный, безсильный старикъ,—
Не ѣлъ и не пилъ онъ, и сномъ ни на мигъ
Его не смыкалися очи...
. . . . . .
. . . . . .
И онъ побѣдилъ!..
. . . . . .

***

День урочный насталъ;
Курфирстъ до полудня отвѣта все ждалъ
И шлетъ онъ со строгимъ приказомъ,

Чтобъ въ замокъ тотчасъ рабби-Амнонъ пришелъ,
Но въ третій ужь разъ возвратился посолъ
Отъ старца съ упорнымъ отказомъ...

И герцогъ воскликнулъ, рукою грозя:
„Какъ видно, въ упорствѣ со мной не шутя
Старикъ состязаться желаетъ!....
Кто смѣетъ противиться волѣ моей?
На площадь безумца! На площадь, скорѣй!
Тамъ силу мою онъ узнаетъ!....“

***

...Вся площадь покрыта народомъ... Блестятъ
Уборы коней и доспѣхи солдатъ,
Облиты лучами златыми;
Въ коронѣ курфирстъ; рядомъ молча стоитъ
Въ святомъ облаченьи церковный синклитъ....
И старецъ предсталъ передъ ними.

Волнистыя кудри сребристымъ вѣнцомъ
Объемлютъ чело его... Мрачнымъ огнемъ
Тревожные взоры сверкаютъ...
Безмолвно стоитъ онъ, поникнувъ главой,
Лишь бровь шевелится да трепетъ порой
По сжатымъ губамъ пробѣгаетъ...

Зловѣщъ и ужасенъ былъ герцога взоръ,—
Въ немъ мести горѣлъ роковой приговоръ,
И страшное грозное слово
Змѣей шевелилось въ груди у него,
И мигомъ изъ устъ поблѣднѣвшихъ его
Ужь вырваться было готово....

Но молвилъ онъ, бурный свой гнѣвъ затая:
„Привѣтъ тебѣ, старецъ!.. Привѣтъ отъ меня
Прими ты подъ пебомъ открытымъ;
Ты въ замокъ прійти отказался, и я,
Не помня, какъ видишь, обидъ для себя,
Самъ, съ цѣлымъ священнымъ синклитомъ

„И воиновъ славныхъ блестящей толпой —
Явился сюда на свиданье съ тобой....
Скажи-жъ...“ И не кончилъ. Вздрогнули
Могучія плечи, и страшнымъ огнемъ,
Какъ часто бывало въ пылу боевомъ,
Свирѣпыя очи сверкнули,

И въ жадномъ движеньи — быстра и легка,
Змѣею къ бедру проскользнула рука
И мигомъ за мечъ ухватилась...
Раздался въ толпѣ чей-то сдержанный крикъ...
Но тихо вдругъ голову поднялъ старикъ.
Могучая сила свѣтилась

Во взорѣ его, и, безстрашенъ и гордъ,
Онъ выпрямилъ станъ свой, и, звученъ и твердъ,
Изъ устъ его голосъ раздался...
Онъ молвилъ: „Внемли, государь! Въ этотъ часъ
Съ далекаго неба взираетъ на насъ
Тотъ Богъ, чьей рукой направлялся

„Донынѣ мой шагъ... Не шелковой травой
Покрытъ былъ мой путь... Не звѣздой золотой,
Не алой зарей засвѣтилась

Мнѣ доля моя... Сиротой родилась,
Съ сумой по житейской дорогѣ плелась
И лишь подаяньемъ кормилась...

„Однимъ я на свѣтѣ богатствомъ владѣлъ
И имъ лишь до гроба владѣть я хотѣлъ
И въ гробъ унести за собою:
То сладостный міръ непорочной души,
То жизнь, какъ ручей въ безпросвѣтной глуши,
Текущая тихой струею...

„Ничтоженъ ручей предъ широкой рѣкой,
Играющей, плещущей звонкой волной,
Предъ горнымъ потокомъ, что съ воемъ
И ревомъ, клокоча, катится со скалъ...
Но я вѣдь ручьемъ лишь остаться желалъ, —
Я счастливъ былъ свѣтлымъ покоемъ

„И миромъ души безмятежной своей...
О, герцогъ! зачѣмъ-же ты отнялъ у ней
Послѣднюю въ жизни отраду?...
Зачѣмъ ты у нищаго отнялъ суму,
И что-же взамѣнъ ея дашь ты ему,
Какую назначишь награду?

„Богатство-ли замковъ, палатъ и дворцовъ,
Что прячутся въ зелени пышныхъ садовъ,
Живой, изумрудной каймою
Объемлющихъ скаты прирейнскихъ холмовъ?...
Могущество-ль власти, милльоны-ль рабовъ,
Подъ властною взросшихъ рукою?...

„Нѣтъ, нѣтъ!... Ни богатства, ни власти.... Отдай,
Отдай мнѣ покой мой, отдай мнѣ мой рай,
Блаженство души безмятежной!...
Три дня... О, то были три вѣка!.. Когда-бъ
Ты зналъ, какъ страдалъ я!... О, герцогъ, я — рабъ,
Я — нищій.... Рукою небрежной

„Играешь ты жизнью ничтожной моей....
Я далъ обѣщанье!... Ты властью своей
Исторгнулъ его!... Я нарушу
Невольное слово... Въ ужасный я мигъ
Промолвилъ его... Что-жь, отрѣжь мой языкъ,
Оставь лишь нетронутой душу!...

Она не моя! Я не властенъ надъ ней,
И нѣтъ для нея ни темницъ, ни цѣпей,
Какъ птичка свободная въ полѣ
Не знаетъ предѣловъ... И — вѣры полна —
Иному внимаетъ глаголу она,
Покорна иной она волѣ!...“

Вскипѣлъ властелинъ, задрожалъ, поблѣднѣлъ
И, точно подстрѣленный звѣрь, заревѣлъ:
„Довольно, безумецъ лукавый!...
Тебѣ-ли судить?... Мнѣ не нуженъ языкъ,
Нужны твои ноги, преступный старикъ...
И правъ будетъ судъ мой кровавый:

„Нужны мнѣ тѣ ноги, что въ замокъ ко мнѣ
Тебя привести отказались... Онѣ
Нужны мнѣ... Я твердо и смѣло

Рѣшилъ!...“
И махнулъ палачу онъ рукой,—
И скоро предъ замершей въ страхѣ толпой
Свершилось кровавое дѣло....

Помостъ и палачъ... Дико-блещущій взоръ...
Рука поднялась... Глухо стукнулъ топоръ...
Кровь брызнула... стонъ. . . . . .
. . . . . .
И хоромъ запѣли: „Во имя Отца
И Сына, и Духа Святаго....“
. . . . . .

IV.

. . . . . .

„...Не плачьте, не плачьте, родные мои!
Слезами участья, слезами любви
Не смыть вамъ позорныя пятна
Съ моей истомленной, преступной души.
Въ крови мое тѣло, и совѣсть въ крови —
Погибъ я, погибъ безвозвратно!...

„Развалиной страшной лежатъ предо мной
Былыя надежды, и скорбный, нѣмой,
Надъ ней чей-то образъ витаетъ...
То ангелъ покоя и мира паритъ,
Съ безумной тоскою мнѣ въ очи глядитъ,
Въ отчаяньи руки ломаетъ...

„Ахъ, поздно ужь, поздно!... Минуты пройдутъ —
Закроются очи, на вѣки замрутъ
Уста для молитвъ и проклятій...
Внемлите-жъ тому, что̀ въ предсмертный свой часъ,
Покуда сознанія лучъ не погасъ,
Я вамъ заповѣдаю, братья!..

„Двѣнадцать вѣковъ подъ кипучей грозой,
Истерзаны долгой, тяжелой борьбой,
Измучены вѣчной тревогой,
Съ убогой котомкой на старыхъ плечахъ
И посохомъ въ слабыхъ, усталыхъ рукахъ,
Идемъ мы завѣтной дорогой...

„Не съ острымъ мечемъ, не въ кольчугѣ стальной
Мы къ лютымъ врагамъ выходили на бой,
Трубами дружины скликая;
Нѣтъ, въ сѣчахъ кипучихъ, въ огнѣ боевомъ,
Намъ Божіе слово служило мечемъ,
Кольчугою — правда святая.

„Мы много въ бою потеряли бойцовъ;
Слѣды нашихъ ногъ — милліоны гробовъ,
Гдѣ спятъ наши бѣдные братья...
Ихъ много погибло — и старцевъ сѣдыхъ,
И юношей, къ жизни, въ порывахъ святыхъ,
Съ мольбой простиравшихъ объятья.

„И много погибнетъ еще впереди
Съ мольбой на устахъ и тоскою въ груди...
Но часъ искупленья настанетъ!...
Изъ мрачныхъ гробницъ, изъ забытыхъ могилъ
Подымутся — новыхъ исполнены силъ —
Господнія рати, и грянетъ

„Послѣдняя битва!... О, братья мои!
Храните-жъ святые доспѣхи свои,
Острѣе мечи наточите...
И пусть я умру съ твердой вѣрой въ груди,
Что вы остаетесь на вѣрномъ пути
И путь свой съ успѣхомъ свершите!....
. . . . . .

V.

На окраинѣ столицы,
По крутымъ холмамъ,
Гдѣ катится Майнъ зеркальный
Къ рейнскимъ берегамъ,

Чернѣя во тьмѣ полуночной,
Разсыпались группы лачугъ...
Все сномъ безмятежнымъ объято,
Все тихо вокругъ...

Лишь одна изъ хижинъ бѣдныхъ
Тамъ освѣщена,—
Блѣдный лучъ скользитъ сквозь просвѣтъ
Тусклаго окна.

И скорбные звуки молитвы,
И тихіе стоны порой —
Одни нарушаютъ безмолвный
Полночный покой...

Кивотъ и амвонъ... Въ бѣлыхъ ризахъ кругомъ
Толпа богомольцевъ въ безмолвьи святомъ,
Мелодіи чудной внимаетъ,
И тихо мерцанье свѣчей восковыхъ,
Кругомъ разсыпаясь въ лучахъ золотыхъ,
На лицахъ печальныхъ играетъ.

И слышится голосъ,— и грусти онъ полнъ,
Какъ плескъ засыпающихъ волнъ,
Какъ почью шептаніе ивъ надъ волнами:—
„О, смилуйся, Боже, надъ нами

„И ниспошли благодати Своей!—
„Ради невинныхъ, безгрѣшныхъ дѣтей,

„Ради погибшихъ во имя Еговы
„Въ мрачныхъ темницахъ, въ неволѣ суровой.

„Въ страшномъ огнѣ и въ пучинѣ морской,
„Жертвами злобы и мести людской,

„Правду любившихъ, за правду страдавшихъ,
„Съ вѣрою кровь за нее проливавшихъ

„Подъ безпощадной рукой палачей,
„Твердые, смѣлые вѣрой своей

„Передъ могучими силой врагами—
„Смилуйся, Боже Великій, надъ нами!...“

И въ это мгновеніе дверь отворилась
И отроки тихо толпою вошли,—
На свѣжею кровью облитыхъ носилкахъ
Они старика принесли;

И, возлѣ амвона поставивши ношу,
Надъ старцемъ безмолвно склонились они...
Онъ блѣденъ былъ, очи сомкнуты; лишь тихо,
Едва шевелился покровъ на груди...

И пѣніе смолкло въ тотъ мигъ. Богомольцы
Вкругъ старца тревожно сомкнулись толпой,
И свѣчъ нагорѣвшихъ неровное пламя
Ихъ облило блѣдно-сребристой волной.

Недвижный, нѣмой и, какъ статуя, блѣдный—
Лежалъ рабби-Амнонъ, и только порой
Сомкнутыя вѣжды сжимались тѣснѣе,
И зыбкая дрожь чуть замѣтной струей,

Украдкой по сжатымъ устамъ пробѣгала,
И дѣлались глубже изгибы морщинъ
На мертвенно-блѣдномъ челѣ... И, казалось,
Какихъ-то таинственныхъ, чудныхъ картинъ

Предъ старцемъ нѣмымъ вереницы вставали,
Чредой проходя предъ неспящей душой....
И въ саванахъ бѣлыхъ надъ нимъ богомольцы,
Склонившись, стояли безмолвной толпой.

Ни слова... Ни звука... И вдругъ онъ, какъ будто
Разбуженъ невидимой чьей-то рукой,
Весь вздрогнулъ... Широко раскрывшись, сверкнули
Тревожныя очи, и быстрой стрѣлой

Пылающій, блещущій взоръ устремился
Куда-то въ незримую, тайную высь,
И — точно ручей между грудами камней —
Кипя, прерываясь, слова полились:

„.. Звуки, звуки...
Точно ропотъ
Струй кристальныхъ...
Точно шопотъ
Ивъ печальныхъ
Надъ рѣкой...
О, скорѣй
Закройтесь, очи,
Вѣчной тьмой
Грядущей ночи:
Ярче дня,
Свѣтлѣе солнца,
Будетъ ночь моя!...

О, пусть я увижу
Тѣ образы снова!...
О, пусть я услышу
Тѣ звуки опять!...

. . . . . .

Я слышалъ... труба зазвучала
И дрогнули тучи кругомъ,
Воспрянули ангеловъ сонмы святые
Въ испугѣ, въ смятеньи нѣмомъ...

Взмахнули ихъ быстрыя крылья,
И вотъ, въ залитую сіяніемъ высь,
Одеждъ серебристыхъ игривыя складки
Въ свободныхъ извивахъ взвились...

И видѣлъ я облако — синяя груда,
Обвитая лентами молній кругомъ...
Лучистыя звѣзды въ брильянтовыхъ каплях
Разбрызганы были по немъ.

И блескъ ослѣпительный вкругъ разливая,
На облакѣ тронъ свѣтозарный стоялъ;
И чудился мнѣ чей-то образъ въ сіяньи,
И голосъ оттуда ко мнѣ долеталъ...

. . . . . .

Не разъ я видалъ,
Какъ пѣнистый валъ
Изъ клокочущей бездны вставалъ,
И подъ ярой грозой,
Брызжа пѣной сѣдой,
Подымался къ скалѣ вѣковой,
Какъ въ бѣшеной пляскѣ бросался онъ къ ней
На крутую гранитную грудь,
Стараясь кипучею пѣной своей

До вершины ея доплеснуть...
Я видѣлъ, какъ молнія съ черныхъ небесъ
Горящей змѣей упадала,
Какъ ночью гроза набѣгала на лѣсъ,
Съ корнями дубы вырывала...
Я видѣлъ, какъ въ скалы вдругъ громъ ударялъ,
Какъ съ трескомъ подъ нимъ разрывалась
Гранитная груда незыблемыхъ скалъ,
И съ крикомъ въ испугѣ взвивались
Надъ мрачной громадой упавшей скалы —
Въ ущельяхъ ея, средь таинственной мглы
Дремавшіе мирно орлы...
Я помню, какъ въ мигъ тотъ рукою могучей
Одежды съ груди я срывалъ,
Какъ съ вызовомъ гордымъ я тучѣ за тучей
Кипучую грудь подставлялъ...
Не страшны мнѣ были раскаты громовъ,
Ни бѣшеный вой клокотавшихъ валовъ,
Ни дикіе крики орловъ...
Но голосъ... тотъ голосъ... И буря, и громъ,
И море, и молнія въ небѣ ночномъ —
Все, все заключалося въ немъ...

О Боже! я видѣлъ Твой образъ могучій,
Я видѣлъ Твой судъ въ небесахъ!...

Раскрыта тамъ книга священная,
И ангелъ читаетъ по ней
Всѣ чувства души сокровенныя,
Всѣ тайныя мысли людей

Перуны сверкаютъ въ десницѣ Твоей,
Ты книгу судебъ раскрываешь
И въ ней отмѣчаешь
Грядущую участь людей...

Звучитъ глаголъ могучій Твой,
Гремитъ суда святое слово:
Кому окончить путь земной,
Кому воскреснуть къ жизни снова,
Кому на старости сѣдой
Уснуть спокойнымъ сномъ могилы,
Кому во цвѣтѣ лѣтъ и силы
Облечься въ саванъ гробовой.
Кому пропасть средь волнъ холодныхъ,
Кому подъ дымомъ и огнемъ,
Кому въ когтяхъ звѣрей голодныхъ,
Кому подъ вражескимъ мечемъ,
Кому въ степи отъ жажды жгучей,
Кому съ отчаяньемъ въ груди,
Въ пустынѣ дикой и горючей,
Безъ упованья, безъ пути...

О, Боже, я видѣлъ Твой образъ великій!
О, Боже, я видѣлъ Твой судъ въ небесахъ!...

. . . . . .

Скорѣй, скорѣй
Закройтесь, очи,
Тихой тѣнью
Вѣчной ночи!...
Ярче дня,
Свѣтлѣе солнца
Будетъ ночь моя..."

Еще одно тяжелое мгновенье, —
И смолкло все... Ни звука въ полумглѣ,
И свѣчъ едва мерцающее пламя
Играетъ на безжизненномъ челѣ...

Минута... и вздрогнули богомольцы
И, очи вверхъ съ тоскою возведя,
Промолвили въ святомъ благоговѣньи:
„Благословенъ будь, Праведный судья!“

***

Пустынно и мрачно на старомъ кладбищѣ,
Ни звука кругомъ.
Лишь ива, склонившись надъ свѣжей могилой,
Дрожащимъ листкомъ

Какъ будто чертитъ непонятные знаки
На камнѣ нѣмомъ
И шепчетъ о чемъ-то чуть слышно... быть можетъ,
О счастьи быломъ...

Но вотъ заскрипѣли входныя ворота,
И тѣнь полосой
Задвигалась тихо по старымъ курганамъ,
Поросшимъ травой.

Въ одеждѣ вельможи придворнаго отрокъ
Безмолвно вошелъ...
Онъ сталъ и тревожно-внимательнымъ взоромъ
Кладбище обвелъ.

И грустно онъ къ свѣжей могилѣ подходитъ,
Тоскою томимъ,
И, ставъ на колѣни, къ землѣ припадаетъ
Съ рыданьемъ глухимъ: —

„— Спи мирно, мой добрый, мой славный учитель!
Въ могилѣ съ тобой
Навѣкъ схоронилъ я души моей бѣдной
Погибшій покой...

„Прости меня, мученикъ мысли и вѣры!...
Въ неравной борьбѣ
Ты палъ, но побѣды нетлѣнные лавры
Стяжалъ ты себѣ....“

Все тихо и мрачно на старомъ кладбищѣ,
Ни звука кругомъ,
Лишь слышны рыданья на свѣжей могилѣ
Въ безмолвьи ночномъ...

Послѣднее свиданіе.

(Талмудическое преданіе).

I.

Пируетъ Римъ... Фіаловъ звонъ,
Куренье, пляска и веселье...
Несется гулъ со всѣхъ сторонъ,
Ликуетъ буйное похмѣлье.
Веселый, шумный пиръ кипитъ,
Что часъ, разгульнѣй и хмѣльнѣе,
И пѣснь побѣдная звучитъ
Надъ покоренной Іудеей...

Уже послѣдніе лучи,
Блѣднѣя, гаснутъ надъ горою;
Въ кустахъ звучнѣй гремятъ ключи
И бьютъ пѣвучею струею;
И, вторя имъ, въ тѣни садовъ,
Подъ сочнымъ пологомъ кустовъ,
Дробясь о бронзовые чаны
И сыпля пылью золотой
На лавръ, объятый свѣжей мглой,

Рокочутъ звонкіе фонтаны;
И звѣздъ дрожащіе лучи
Златятъ роскошные чертоги,
И мнится — дивно хороши —
Чуть слышно шепчутся въ тиши
Съ кустами мраморные боги...

А пиръ кипитъ... Въ толпѣ живой
Гудятъ веселыя бесѣды
Про удаль рати боевой,
Ея отвагу и побѣды,
Про блескъ порталовъ и колоннъ
И роскошь храмовъ разрушенныхъ,
И красоту сіонскихъ женъ
И силу юношей плѣненныхъ...
Звенятъ потеры и горитъ
Румянецъ яркій на ланитахъ,
И взоръ пирующихъ дразнитъ
Толпа гетеръ полуприкрытыхъ..

И вдругъ, подъ этотъ гулъ и звонъ
Раздался голосъ...

Весь увитый
Вѣнками розъ и окруженъ
Бойцовъ толпою именитой,
Держа въ рукѣ фіалъ разбитый,
Откуда, золотомъ блестя,

Вина послѣдняя струя
По пальцамъ медленно катилась —
Поднялся воинъ... Шумъ и смѣхъ
Утихли вдругъ, и взоры всѣхъ
Къ нему мгновенно обратились...

„...Вы правы, молвилъ онъ, бойцы!
Вамъ похвалиться можно смѣло:
Удачно было ваше дѣло!
Во всѣ углы, во всѣ концы
Родного края — золотою,
Могучей хлынули волною
Богатство, сила, слава, честь.
Не взвѣсить ихъ, не перечесть...
Но я клянусь—услышьте, боги!—
Всѣ эти храмы и чертоги,
Вся эта роскошь, этотъ блескъ,
Вѣнки, куренье, чаши плескъ,
И въ полутьмѣ душистой ночи
Гетеръ сверкающія очи—
Все это, все—лишь дымъ и прахъ
Предъ той добычей дорогою,
Что на Іорданскихъ берегахъ
Я взялъ и въ Римъ привезъ съ собою...
Я потрудился, не шутя:
Мой острый мечъ въ рукѣ умѣлой
Сверкалъ какъ серпъ надъ нивой спѣлой,
И, какъ колосья, вкругъ меня
Валились люди... Этой ночи
Мнѣ не забыть... Въ огнѣ, въ дыму
Я шелъ,—и смерть мнѣ самому

Не разъ заглядывала въ очи...
Но я и смерти былъ сильнѣй!
Я взоръ ея встрѣчалъ со смѣхомъ,
И путь свой кончилъ я съ успѣхомъ...
Ко мнѣ рабы! сюда, скорѣй!..“

Онъ за добычею своей
Рабовъ послушныхъ посылаетъ
И взоромъ гордымъ озираетъ
Кругомъ умолкнувшихъ гостей...

И ждутъ всѣ гости въ нетерпѣньи
Рабовъ неспѣшныхъ возвращенье...
Но вотъ ужь слышенъ шумъ вдали...
Они идутъ... Они пришли...
Взглянули всѣ... и — точно стонъ
Раздался вмигъ со всѣхъ сторонъ!...

***

На пиръ побѣды роковой,
Поникнувъ скорбно головой,
Прекрасной, дивной головою,
Явилась дѣва... Точно лучъ,
Прорѣзавъ мглу осеннихъ тучъ,
Упалъ сверкающей чертою
Съ небесъ, чернѣющихъ вдали,
И протянулся до земли...

Стройна, смугла и чернооka—
Она была цвѣткомъ востока,
Едва разцвѣтшимъ... Съ дивныхъ глазъ,
Въ которыхъ небо отражалось,

Завѣтной грусти ужь не разъ
Слеза печальная срывалась
И щечки розовыя жгла;
Но свѣтлыхъ грезъ любви и счастья
Еще житейскія ненастья
Съ ея не сдунули чела;
И грусть случайная блѣднѣла
Предъ солнцемъ вѣры и любви,
И счастье сердцу пѣсни пѣло
И пѣсней било изъ груди...
Она была нѣжнѣе лани,
Румянѣй утренней зари...
Прозрачно-розовыя ткани
Вкругъ стана дивнаго легли,
Небрежно плечи обнажая,
Переплетаясь и спадая
Густыми складками къ ногамъ;
И волны косъ, густыхъ и черныхъ,
Жемчужнымъ нитямъ непокорныхъ,
Сбѣгали къ трепетнымъ плечамъ...

Утихли лютни, смолкли хоры,
Фіаловъ звонъ и смѣхъ гостей,
И приковались мигомъ къ ней
Ихъ очарованные взоры.
И кто-бы могъ сравниться съ ней
Изъ этихъ дѣвъ лукаво-томныхъ,
Въ роскошныхъ тогахъ и вѣнкахъ,
Лежавшихъ въ позахъ полускромныхъ
На мягкихъ пурпурныхъ коврахъ!...

„—Ты правъ, промолвилъ старый воинъ:
Согласенъ я, ничуть не льстя,
Товаръ, какъ твой, вполнѣ достоинъ
Большаго выкупа; но я
Купить товаръ твой не намѣренъ...
Остеръ мой мечъ, ударъ мой вѣренъ,
Я не послѣдній межъ бойцовъ,
Но, кромѣ силы, сонмъ боговъ
Меня и прочимъ не обидѣлъ...
Я много жилъ, я много видѣлъ,
И горькій опытъ долгихъ лѣтъ
Прошелъ со мною все ученье
О томъ, что̀ выгодно, что̀ нѣтъ...
Иное сдѣлать предложенье
Хочу... И пусть хотя-бъ сейчасъ,
Навѣкъ оторванный отъ васъ,
Низвергнутъ буду въ адъ кременный,
И надъ моей душою гнѣвной
Плутонъ справляетъ страшный пиръ,
Когда и ты, и цѣлый міръ
Меня за это предложенье
Не назовете мудрецомъ...
Твоя дѣвица, безъ сомнѣнья,
Прекрасна; но на полѣ томъ,
На томъ широкомъ, чистомъ полѣ,
Гдѣ родилась и расцвѣла
Она подъ солнышкомъ, на волѣ,
Тамъ и моя рука нашла
Благоуханный и прекрасный,
Какъ утро майское, цвѣтокъ...
Онъ свѣжъ и строенъ, и высокъ.

Въ немъ жизнь кипитъ; прямой и ясный
Орлиный взоръ его очей
Въ потокъ полуденныхъ лучей,
Не дрогнувъ, гордо-бъ устремился...
Какъ разъяренный левъ, онъ бился,
Одинъ, съ безчисленной толпой...
И этого звѣрька — съ позорнымъ
Клеймомъ раба — рабомъ покорнымъ
Привелъ изъ битвы я съ собой...

Хвала тебѣ, о, сонмъ боговъ!...
Но нѣтъ, не тратя лишнихъ словъ,
Не утомляя васъ напрасно,
Скажу и коротко, и ясно:
Мой рабъ — и молодъ, и силенъ,
Твоя рабыня — несравненна;
Съ какихъ ни посмотрѣть сторонъ,
Въ мужья вполнѣ годится онъ.
Она-же въ жены — несомнѣнно...
Такъ пусть-же заживутъ вдвоемъ
Подъ нашимъ отческимъ крыломъ;
А намъ, въ награду за старанья,
За попеченья и труды,
Приносятъ сладкіе плоды —
Такихъ-же миленькихъ созданій,
Какъ сами...
Что-жъ, согласенъ ты?..“

Рукоплесканій громъ могучій
Волной раскатной и гремучей
Раздался въ тишинѣ ночной...

Изъ рукъ гетеры обнаженной
Пріялъ вѣнокъ, изъ розъ сплетенный —
Дѣлецъ, ораторъ и герой...

И вновь, какъ прежде, пиръ кипитъ
И пѣснь побѣдная звучитъ...
Рабы фіалы наполняютъ,
И гости пьютъ, и двухъ дѣльцовъ,
Какъ-бы съ побѣдою бойцовъ,
Съ разумной сдѣлкой поздравляютъ...

II.

И страха тайнаго полна
Безмолвно плѣнница внимала
Рѣчамъ пирующихъ... Она
Еще неясно понимала,
На что судьбой обречена;
Но сердце такъ сжималось больно,
И слезы жаркія порой
На щеки блѣдныя невольно
Текли горючею струей.
И, жгучихъ полная мученій,
Подъ звонъ и шумъ, сквозь дымъ куреній,
Она тревожною душой
Ушла далеко, въ край родной,
Въ его луга, поля, долины,—
И возставали чередой
Родныя, милыя картины.
. . . . . .

***

...Сіяетъ храмъ. Подъ звуки лиръ
Гремитъ левитовъ стройный клиръ;
Отъ алтаря струею синей
Бѣжитъ душистый ѳиміамъ;

Чертогъ съ завѣтною святыней
Залитъ сіяньемъ; тутъ и тамъ
Пылаютъ люстры золотыя;
У входа группы колоннадъ,
Отъ люстры свѣтомъ залитыя,
Сквозь волны дыма голубыя
Рѣзьбою чудною блестятъ.
Народъ колѣнопреклоненный
На плитахъ мраморныхъ стоитъ,
И, ризой бѣлой облаченный,
Съ молитвой тихою лежитъ,
Передъ священнымъ алтаремъ
Старикъ — отецъ ея. Кругомъ
Въ сосудахъ жертвенныхъ — цвѣты,
Елей, колосья и плоды...
Онъ всталъ. Дрожащею рукою
Благословляетъ онъ народъ...
Изъ рукъ ея вѣнокъ беретъ
И на треножникъ золотистый,
Облитый миррою душистой,
Его съ молитвою кладетъ...

А тамъ, на улицахъ столицы —
И шумъ, и пѣсни... Отъ воротъ
Толпою пестрою идетъ,
Уставъ отъ плясокъ, хороводъ.
Вельможъ богатыхъ колесницы
И богомольцевъ вереницы,
Кто на мулѣ, а кто пѣшкомъ,
И группы воиновъ кругомъ, —
Все это весело несется

Впередъ, назадъ, спѣшитъ, бѣжитъ...
Тутъ пѣсня вольная звучитъ;
Тамъ смѣхъ свободный раздается —
Здоровый, свѣжій, звонкій смѣхъ!...
И солнце золотомъ сверкаетъ,
Горитъ, блеститъ, и все, и всѣхъ
Сіяньемъ теплымъ обливаетъ...

А вотъ и скрылося оно —
И тѣнь легла на всемъ просторѣ,
И лишь слегка озарено
Вдали синѣющее море...
Прощай, веселый, свѣтлый день!...
Въ лугахъ прохлада, тишь и тѣнь;
Облитъ душистою росою —
Стоитъ и дремлетъ надъ рѣкою
Кудрявый лѣсъ; предъ нимъ звенитъ
Рѣка зеркальными струями,
И вѣтерокъ чуть шевелитъ
Его зелеными кудрями...

. . . . . .

Уже толпа сіонскихъ дѣвъ
Ушла обратно отъ фонтана;
Вдали веселый ихъ напѣвъ,
Струей сребристой прозвенѣвъ,
Утихъ и замеръ... Завтра рано,
Едва зубцы Кармельскихъ горъ
Блеснутъ въ сіяніи денницы,
Едва въ лѣсахъ проснутся птицы

И загремитъ ихъ звучный хоръ,
И ороситъ роса Хермона
Куртины дивнаго Сарона,
Онѣ въ широкія поля
Уйдутъ веселою толпою....
Серпы въ рукахъ у нихъ, звеня,
Блеснутъ надъ нивой золотою...
И лишь когда угаснетъ день,
И голубая ляжетъ тѣнь
По рощамъ, нивамъ и полянамъ,
Онѣ опять прійдутъ къ фонтанамъ,
Чтобъ подъ веселый плескъ струи
Шѣть пѣсни звонкія свои...

Но ей зачѣмъ спѣшить домой?..*)
Она привычною рукой
Ужь два вѣнка сплести успѣла —
Одинъ для брата, а другой...
Другой, поцѣловавъ, одѣла
Пока себѣ... и покраснѣла...

Давно кристальною водой
Наполненъ ковшъ ея литой,
И говорливая струя
Ужь бьетъ и льется чрезъ края;
Но такъ свѣжа здѣсь тѣнь кустовъ,
И хоръ ливанскихъ соловьевъ

*) Священники, какъ и левиты, не занимались ни хлѣбопашествомъ, ни торговлей, а получали извѣстный процентъ отъ урожая, пользовались мясомъ отъ жертвоприношенія, называвшагося «Schlómim», а также нѣкоторыми другими прерогативами.

Поетъ такъ дивно надъ рѣкою!...
И бѣлой опершись рукою
На толстый пень, она стоитъ
И съ грустью тихою слѣдитъ
За тѣмъ, какъ съ вѣтокъ миртъ зеленыхъ,
Слегка къ фонтану наклоненныхъ
Вечернимъ, тихимъ вѣтеркомъ,
Роса серебрянымъ дождемъ
Въ струи холодныя спадаетъ
И въ нихъ на вѣки исчезаетъ...
Она задумась, — и трескъ
Вдругъ къ ней донесся, — наклонилась
Къ бассейну вѣтка... опустилась...
Задѣла воду... шумный плескъ
Раздался — и струей холодной
Вмигъ брызнуло въ лицо ея!...
Она вскочила... и свободный,
Веселый, звонкій, близь нея
Раздался смѣхъ... и вмигъ узнала
Она тотъ смѣхъ: то подшутилъ
Надъ нею братъ...
О, какъ любилъ,
Какъ онъ любилъ ее!...
Бывало...

. . . . . .

Но — бѣдная! — разбились грезы...
Его ужь нѣтъ! Она — одна...
Въ плѣну, въ цѣпяхъ, обречена
На рабскій трудъ, на стыдъ и слезы!...
Гдѣ помощь вѣрную найти?

И кто придетъ ее спасти,
Спасти отъ вѣчнаго позора?...
Какимъ путемъ избѣгнуть взора
И рукъ бездушныхъ палачей,
Что протянулись жадно къ ней,
Чтобъ изъ груди ея безпечной
Вдругъ вырвать чудные цвѣты
Ея невинности сердечной,
Ея душевной чистоты?!...
„...Мнѣ быть велятъ рабу покорной!...
О, гдѣ ты, братъ мой дорогой!
Приди, спаси родной рукой
Сестру отъ участи позорной!
Но нѣтъ тебя!... Въ крови, въ пыли,
На берегахъ родной земли
Лежишь ты, блѣдный и холодный:
Душой невинный и свободный —
Съ мечемъ и знаменемъ въ рукахъ;
Отчизнѣ вѣрный и народу,
Пошелъ ты въ битву за свободу
И палъ съ проклятьемъ на устахъ!...
Иль, можетъ быть... средь схватокъ смѣлыхъ,
Въ пылу кровавыхъ, жаркихъ сѣчъ,
Твой врагъ счастливый вырвалъ мечъ
Изъ рукъ твоихъ осиротѣлыхъ
И щитъ надежный изломалъ,
И руки мощныя сковалъ,
И съ поля ратнаго далеко
Тебя повелъ онъ въ край чужой,—
И ты томишься одиноко
Съ своей недремлющей тоской!...“

***

Несчастная! Она не знала,
Что въ этотъ часъ, невдалекѣ,
Гдѣ башня старая стояла,
Одинъ, въ отчаяньи, въ тоскѣ,
Со злобой жгучей, но нѣмою,
Томился тотъ, къ кому она,
Любви, отчаянья полна—
Неслась измученной душою...

III.

Толпа тяжелыхъ, мрачныхъ думъ
Надъ головой его витала
И жгла его тревожный умъ.
Ужаснымъ призракомъ стояла
Предъ нимъ суровая судьба.
Постыдной участи раба
Свободный умъ не покорялся,
Но тщетно онъ къ свободѣ рвался.
Ужь къ ней на вѣкъ отрѣзанъ путь:
Найти спасенье не старайся,
Не смѣй на прошлое взглянуть,
Терпи, молчи и покоряйся!...
Но какъ ему покорнымъ быть,
Ему, потомку Аарона,
Что̀ скоро долженъ былъ вступить
Въ священный сонмъ и замѣнить
Первосвященника Сіона?!...
Онъ, полный бодрости и силъ,
Покрытый гордостью и славой,
Онъ — рабъ! Рукой своей кровавой
Его въ неволю заточилъ
Презрѣнный врагъ, въ винѣ, въ развратѣ,

Въ пирахъ и оргіяхъ ночныхъ
Весь утонувшій — на закатѣ
Разгульныхъ, буйныхъ дней своихъ!...
Онъ, кѣмъ невольно восторгались
Пѣвцы и воины кругомъ,
Чьей красотой порой плѣнялись
Невѣсты, стоя подъ вѣнцомъ—
Онъ обреченъ врагомъ бездушнымъ
Съ рабыней жизнь свою дѣлить
И вмѣстѣ съ сердцемъ непослушнымъ
Любовь на нѣки схоронить!...
А прошлыхъ грезъ и упованій,
И бурныхъ, пламенныхъ желаній
Веселый, свѣтлый, шумный рой
Еще жужжитъ въ груди больной...
И съ непривѣтливой чужбины
Въ родныя горы и долины
Тотъ шумный рой его несетъ...
Свѣтлѣетъ умъ и духъ ростетъ...
Но мигъ забвенья исчезаетъ,—
И онъ обратно прилетаетъ
И тяжко стонетъ и рыдаетъ,
И пѣснь надгробную поетъ!...
Онъ не узналъ отчизны милой,
Онъ не узналъ небесъ родныхъ.
Въ дыму, въ обломкахъ роковыхъ
Одной безбрежною могилой
Лежала, тлѣніемъ полна,
Обѣтованная страна
(То сонъ-ли былъ иль бредъ — едва-ли
Онъ зналъ и самъ); и передъ нимъ,

Объяты дымомъ голубымъ,
Два блѣдныхъ образа витали:
Старикъ съ сѣдою бородой,
Облитой кровью, съ обгорѣлой
И размозженной головой,
И рядомъ съ нимъ — въ одежбѣ бѣлой
Виднѣлась дѣва... А внизу,
Гдѣ точно тополи въ грозу,
Шумѣли римскія знамена,
Виднѣлся черный трупъ Сіона,
Объятый пламенемъ...

. . . . . .

И часто плѣнникъ молодой,
Упавъ тоскливо головой
На кольца цѣпи роковой,
Терзавшей руки молодыя,
Рыдалъ надъ участью своей...
Воспоминанья прошлыхъ дней,
Мѣста и образы родные—
Все, съ чѣмъ онъ жилъ, что жило съ нимъ,
Все это снова оживало
На часъ, на мигъ и передъ нимъ
Двойною смертью умирало...

IV.

Такъ оба, съ грустью и тоской,
Безъ силъ къ борьбѣ, безъ упованья
И безъ надежды на свиданье
Неслись измученной душой
На встрѣчу скорби и страданья...

*
* *

Но часъ нежданнаго свиданья
Насталъ...

*
* *

Съ безумнымъ, страшнымъ крикомъ
Другъ къ другу бросились они...
И было все въ томъ крикѣ дикомъ—
И вопль истерзанной души,
И радость свѣтлая свиданья,
И мука горькаго сознанья
Стыда, позора своего...
И что-то большее, чего
Сказать словами невозможно:
Душа имѣетъ свой языкъ,—
На немъ лишь выразить и можно,
Что̀ означалъ тотъ страшный крикъ...

Но въ грудь враговъ онъ не проникъ!..
Они остались непреклонны,
Неумолимы ихъ сердца...
Въ отвѣтъ на вопли жертвъ, на стоны,
И на мольбы ихъ безъ конца—
„Возьми ее!“—ему сказали,
„Послушна будь!“—сказали ей...
Они спасенія не ждали
Отъ страшной участи своей:
Неволя, страхъ, позоръ и горе
Загородили путь предъ нимъ;
И гдѣ-жъ искать его?!...

Но вскорѣ
Оно само явилось къ нимъ.

. . . . . .

Былъ вечеръ. Блѣдная луна
Сквозь стекла тусклаго окна
Холоднымъ блескомъ обливала
Головку дѣвушки. Она
Недвижно, какъ во снѣ, лежала
На сѣромъ каменномъ полу,—
И сквозь синѣющую мглу
Виднѣлся юноша; надъ нею
Склонившись, молча онъ стоялъ.
Зловѣщій дикій блескъ сверкалъ
Въ его очахъ... То онъ, блѣднѣя,
Поспѣшно, жадно припадалъ
Къ губамъ ея и ихъ лобзалъ
Съ какой то злобою безумной...
То вдругъ онъ вскакивалъ, то шумно

И быстро вновь бросался къ ней
И съ трепетомъ предсмертной муки
Ея безжизненныя руки
Онъ прижималъ къ груди своей,
И посинѣвшими губами
Слова несвязныя шепталъ,
И косы черныя терзалъ
Окоченѣлыми руками...
И въ очи мертвыя—съ тоской
Глаза безумные впивались...
Хрипѣла грудь... И дикій вой,
И страшный хохотъ раздавались
По временамъ въ тиши ночной...

*
* *

Но вотъ все стихло...

*
* *

Свѣжей мглою
Дышала полночь. Свѣтъ луны
Въ окно струился полосою...
И, блѣдно имъ озарены—
Двѣ жертвы кроткія лежали—
Объяты крѣпкимъ, вѣчнымъ сномъ...
И было тихо все кругомъ;
Одни фонтаны лишь журчали,
Да звѣзды блѣдныя мерцали
Вдали на небѣ голубомъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Призывъ	1
Надъ Библіей	5
Легенда о чашѣ	8
«Грезы дѣтства золотого...»	10
Прометею	15
Весною	16
Пѣсня жизни	19
Поэту	23
Двѣ картины a)	25
Двѣ картины b)	29
Мой Богъ	31
Памяти друга	32
Дума	36
Дума	38
Утренняя звѣзда	41
На могилѣ	43
«Горячихъ слезъ бушующее море...»	45
Ребенку	46
Надъ Днѣпромъ	48
Еврейская мелодія	50
Давидъ и Голіаѳъ	51
Притча о золотомъ ключѣ	54
Старое горе	56
Изъ средневѣковыхъ картинъ	58
Сонетъ	60
На родинѣ	61
Видѣніе алхимика	64
«Въ душѣ моей мрачной...»	65
Три вѣнка	66

Элегіи:

I 71
II 73
III 75
IV 76

Библейскіе мотивы:

I 81
II 83
III 85
IV 87
Видѣніе пророка Исаіи 89

Дѣдушкины сказки:

I 103
II 108

Баллады:

Арфа 115
Дѣти земли 118
Гаманъ 124

Переводы:

Изгнанники 137
Послѣдній раздѣлъ 139
Чудо любви 142
Изъ Р. Леандера 143
Изъ Ю. Кернера 144
Изъ Ф. Рюккерта 145
Изъ Р. Рейникъ 146
Видѣніе Саула 147

Поэмы:

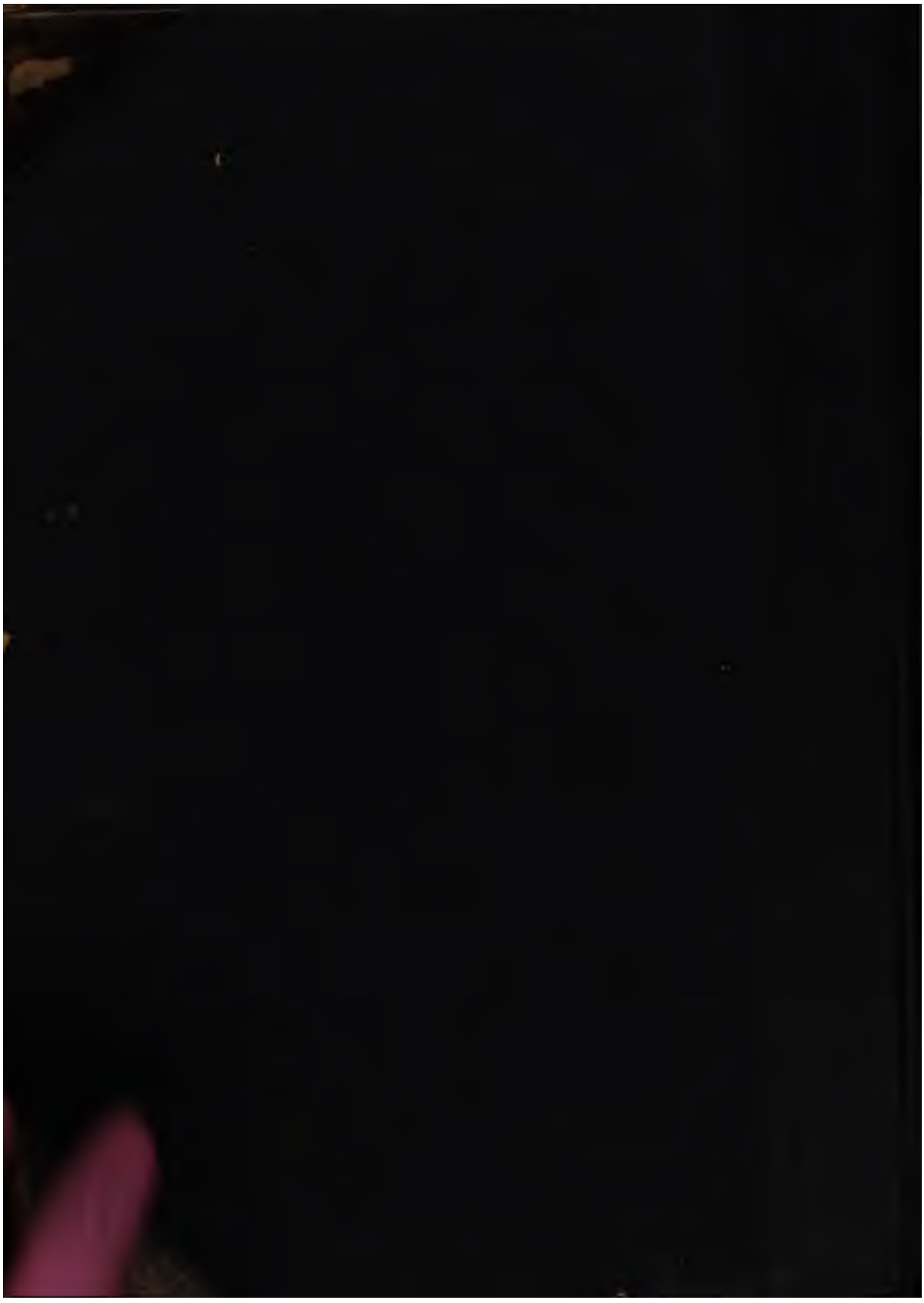
Рабби-Амнонъ 151
Послѣднее свиданіе 184

PG 3460 .F8 .A6 1885 C.1
Stikhotvoreniia /
Stanford University Libraries
3 6105 036 925 241

PG
3460
F8 A6
1885

DATE DUE

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

JAN 14 2002
JAN 17 2002
JUL 21 2005
SEP 13 2005